

• АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА •

ВИЛЬГЕЛЬМ

УЧЕНИК
КОЛДУНА

Annotation

Когда люди считают тебя нежитью – это необычно. Когда для подобных выводов есть основания – это уже становится интересным. Когда ты выглядишь как человек, но только среди тварей чувствуешь себя комфортно, это может показаться странным. Однако во всем надо стараться искать положительные стороны. Вот, к примеру, я не чувствую боли, не знаю страха и не способен умереть. И это здорово. Одна беда – никто не знает, кто я такой и откуда взялся. И вдобавок к этому каждый встречный пытается меня убить.

Александра Лисина

Вильгельм. Ученик колдуна

© А. Лисина, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

– А-а-а-а... Ы-ы-ы-ы... Памагите-е-е...

Я проводил долгим взглядом истошно вопящих людей.

Интересно, чего они испугались? Выметнувшись из неприметного лаза костяных гончих или повелевающего ими белобрысого мальчишку? Жаль, спросить не у кого – все, кто шел меня убивать, теперь сломя голову неслись прочь, спотыкаясь и периодически вскрикивая, когда их кусали за задницу.

Картина, надо сказать, привычная. За последние годы я так часто ее видел, что уже перестал считать, сколько народу приходило сюда в надежде меня угробить. Однако именно сегодня вид перепуганных беглецов, которых преследовали по пятам мои костлявые псы, вызвал хоть какой-то проблеск эмоций.

Смутное ощущение удовлетворения, толика любопытства – вот, собственно, и все, что я испытал, пока следил за горсткой улепетывающих храбрецов. Но с учетом того, что раньше подобные вещи меня вообще не трогали, это был несомненный прогресс.

Убедившись, что нападавшие полностью деморализованы, а у подножия горы их не ожидает отряд вооруженных до зубов приятелей, я развернулся и направился к входу в пещеру, которую когда-то отвоевал у старого бьерна. [□](#)

– Ну, что, прогнал? – раздался из темноты скрипучий голос, едва я вернулся.

– Да их и было-то полтора десятка. Не чета той толпе, которую я уложил в соседнем ущелье в прошлый раз.

– Что ж ты тогда на них всю стаю спустил?

– Просто так... – машинально отмахнулся я и, встретив из темноты внимательный взгляд, осекся.

Почти сразу из дальнего угла послышались тихий скрип и медленные шаркающие шаги.

Кариур был стар. Очень стар. По сравнению со мной – так и вовсе дряхл до невозможности. Его худые ноги уже давно подгибались от слабости. Некогда сильные руки больше не могли удержать ни кинжал, ни обычную ложку. В последние месяцы он даже из пещеры почти не выбирался. Все больше лежал или сидел, с головой уйдя в расчеты. Однако сейчас все же нашел в себе силы подняться с устланного шкурами ложа и, подойдя вплотную, уставился на меня умными, цепкими, все такими же пронизательными, как и полвека назад, глазами, в которых светилось вполне обоснованное подозрение.

– Ты снова что-то почувствовал, – констатировал он, вдосталь насмотревшись на мое лицо, с которого крайне редко сходило бесстрастное выражение.

Я подумал и был вынужден признать, что сегодняшняя ситуация и впрямь меня позабавила. Так что Кариур не напрасно последние пятьдесят лет корпел над своими пробирками – его эликсир работал. Пусть медленно и слабо, но все-таки работал.

– Хорошо, – прошептал старик, а его изборожденное глубокими морщинами лицо осветилось неподдельной радостью, которая, впрочем, тут же угасла. – Жаль, я не застану день, когда ты вспомнишь, каково это – быть человеком.

Я свистнул гончим, аккуратно собрал с их клыков свежую кровь, ради которой, собственно, и отправил собак в погоню. После чего сцедил драгоценную жидкость в зачарованную Кариуром кожаную флягу и вопросительно уставился на старика.

– Может, все-таки передумаешь?

– Еще не хватало!.. – отмахнулся тот. – Становиться нежитью я не буду. Ее у тебя и так достаточно. Лучше озаботься поисками толкового колдуна, который завершит работу над формулой и сделает то, чего не успел я.

– Кариур...

– Мое время на исходе, Вильгельм, – спокойно сообщил он. – И мы оба об этом знаем.

– Да, но я мог бы продлить твою жизнь еще на несколько месяцев.

Кариур на это ничего не ответил. Просто улыбнулся – устало, с пониманием. После чего оперся ладонью на хребет ближайшей гончей, а затем, используя ее как живой костыль, побрел к выходу из пещеры, тихо попросив напоследок:

– Проводи меня, будь добр.

И я не стал отказывать ему в этой просьбе.

Спустя несколько часов на одной из близлежащих скал запылал костер.

Мне не составило труда оказать старому колдуну услугу. Он устал, я знаю. Устал уже давно. Но до тех пор, пока в его работе не наметился явный сдвиг, он продолжал исправно трудиться, честно выполняя взятые на себя обязательства.

Я, правда, надеялся, что у нас будет больше времени и мы все-таки доведем эксперимент до логического завершения. Но Кариур рассудил, что его участия в моей жизни больше не требуется, поэтому мне пришлось его отпустить.

Так, как я ему когда-то пообещал.

Усилий это не потребовало – старик не сопротивлялся. Однако сейчас, глядя на жадно пожирающее его останки пламя, я подумал, что мне будет его не хватать. Его советов, наставлений, историй. Я... пожалуй, испытал сожаление при мысли, что мы больше не увидимся. А когда костер прогорел, молча подобрал с земли пухлую тетрадь, в которой хранились плоды его многолетнего исследования, и пообещал себе довести эту работу до ума.

Даманская империя. Даман^[2]
6242 год новой эпохи

– Дяденька, а дяденька... не подскажете, как пройти в библиотеку?

Здоровенный небритый бугай, выпустив из волосатой лапищи горло случайного прохожего, обернулся и в полнейшем недоумении воззрился на мою мальчишескую физиономию.

– Пацан, ты че, сдурел? – спросил он, потихоньку наливаясь дурной кровью.

Бедолага за его спиной сдавленно закашлялся, а я растянул губы в широкой (надеюсь, что естественной) улыбке.

Ну, и что тут, спрашивается, такого? Подумаешь, ночь на дворе. Столица давно спит. Луны не видно, небо закрыто плотными тучами. А в глухой подворотне, где один неблагонадежный гражданин империи чуть не удавил другого неблагонадежного гражданина, вообще ни зги не видать.

Но разве это повод так на меня таращиться?

– Так вы не знаете, как пройти в библиотеку? – снова поинтересовался я, качнувшись на пятках и для верности заложив большие пальцы за ремень. Одинокий, безоружный, абсолютно незащитный мальчишка, глядящий на злого дядю наивными глазами и в упор не замечающий трясущегося на заднем плане прохожего.

Как это ни удивительно, но в любом городе и при любых обстоятельствах люди реагировали на меня одинаково. Сомнение, недоумение, растерянность... При виде тощего белобрысого пацана их посещали какие угодно эмоции, но только не страх. А все потому, что детей никто не боялся. Их считали слабыми, уязвимыми, нуждающимися в защите. Особенно если те не походили на оборванцев и всем своим видом демонстрировали желание довериться.

Вот и бугай вместо того, чтобы насторожиться, глухо рыкнул. В его глубоко посаженных глазках появились запоздалые признаки мыслительной деятельности. До крошечного мозга, жестоко стиснутого черепными костями, все-таки дошла важная информация: в частности, бугай осознал, что на мне надета совсем не босяцкая одежда, а на пальцах виднеется как минимум один золотой перстень, за продажу которого можно выручить неплохие деньги.

– Ну, нет так нет, – бодро заявил я, так и не дождавшись ответа.

После чего преспокойно развернулся и потопал прочь, насвистывая под нос популярную песенку.

Бугай отмер секунд через двадцать. Видимо, крутившаяся в его единственной извилине мысль все-таки оформилась до конца. После чего он решил, что нельзя упускать такую добычу, и, плюнув на предыдущую жертву, грузно потопал за мной.

Я в это время успел добраться почти до конца погруженной в темноту улочки. На всякий случай постоял, дожидаясь, чтобы меня заметили. А когда топот чужих сапожищ отчетливо ускорился, я с самым беззаботным видом свернул в соседний проулок, который в скором времени закончился тупиком.

– Ну, что, пацан, добегайся? – угрожающе прорычал бугай, когда я развернулся и обнаружил, что единственный выход перекрыт его массивной тушей. – Откуда ты вообще

здесь взялся?

Я смерил его оценивающим взглядом.

– Гулял. Смотрел. Жертву себе подходящую подыскивал.

– Чего?

– Ну, да. Ближе к центру много патрулей, а пары придурков из здешних трущоб точно никто не хватится.

У бугая в голове, похоже, имелась не одна, а целых две извилины. Перпендикулярных. И обе они сейчас завязались узлом, будучи не в силах сообразить, что именно я сейчас сказал. Ну, а пока он пытался выбраться из логического тупика, за его спиной мелькнула гибкая тень. Из темноты вынырнула рука в черной перчатке и, ловко воткнув ему в основание шеи длинную иглу, так же быстро исчезла.

Бугай вздрогнул, издал нечленораздельный звук, а потом закатил глаза и принялся оседать на землю.

Тень, почти невидимая благодаря темной одежде, быстренько его подхватила, не дав шарахнуться башкой о стену ближайшего дома, после чего усадила на землю, мельком выглянула на улицу и, убедившись, что внимания мы не привлекли, вопросительно на меня уставилась.

– Уверен, что он подойдет? Совсем ведь тупой.

Я подошел к безмятежно сопящему телу.

– Качество мозгов тут вторично. Намного важнее физические параметры объекта. А этот бык полностью здоров. Шею ему только протри, а то собирать с улицы всякую грязь мне не улыбается.

В темноте послышался приглушенный смешок, после чего мой закутанный в черные тряпки помощник выудил из-за пазухи платок, наскоро вытер бугаю шею и, запрокинув ему голову, с новым смешком предложил:

– Прошу.

Я наклонился и чиркнул остро заточенным ногтем по горлу незадачливой жертвы. На коже мгновенно выступило несколько алых капелек, которые тень без напоминаний смахнула все тем же платком. После этого я уже без особых церемоний расширил рану, снял с пояса полупустую флягу и, приложив к шее бугая, осторожно набрал в нее немного крови.

– Готово. Дай ему противоядие, исцеляющий амулет, и пойдём.

– Больно дорого поить эту шваль магическими эликсирами и тратить заряд амулета, который стоит в три раза больше, чем его плешивая шкура, – проворчала тень. – Может, ну его, а? Помрет – и дело с концом.

– Нардис, делай, что велено!

Тень сокрушенно вздохнула и полезла в карман за амулетом.

– Да-да. Ты у нас главный. Поэтому слушаю и повинуюсь, мой юный господин.

Я ненадолго замер.

Уж не насмешка ли послышалась в голосе этого нахала? И должен ли я как-то на это отреагировать?

– Напомни-ка, по какой причине ты решил мне служить? – наконец спросил я, когда обдумал варианты.

– Ты спас мне жизнь, – с готовностью отозвался Нардис.

– А что я тебе сказал, когда вытащил из той ямы, в которую ты, если помнишь, угодил по собственной глупости?

– Что теперь ты волен распоряжаться мной по собственному усмотрению. Я помню, ага. Но иногда, – притворно вздохнул он, – ты бываешь таким занудой, что в противовес тебе страшно хочется брякнуть какую-нибудь гадость. Ты ведь поэтому меня и спас. Со мной вроде как веселее, да?

Я пристально уставился на умничающего оболтуса, которого около года назад буквально выдернул с виселицы в одной из южных провинций княжества Айр. Тогда это была обычная прихоть. Эксперимент, если хотите. Однако со временем Нардис стал моей правой рукой, тенью, без которой в мире смертных мне пришлось бы на порядок сложнее.

Я ценил его за это, но иногда поганец выходил за всякие рамки. А еще у него случались удивительно точные озарения, которым я до сих пор не мог найти логического объяснения.

– Ладно, ладно, – примиряюще поднял руки парень, когда его буквально проткнул мой изучающий взгляд. – Я понял: у тебя снова нет настроения. Сейчас все сделаю, не переживай.

Я не стал напоминать, что переживать не умею в принципе. А вместо этого просто вышел из тупика и осмотрелся.

Но снаружи по-прежнему было тихо. Никто нас не искал. Городская стража по закоулкам не рыскала. Да и зачем ей сдался какой-то бандюган? К тому же когда бугай придет в себя, то никаких ран на его шее не останется. А сам он даже не вспомнит, что в подворотне его уделал самый обычный пацан.

* * *

Признаться, никогда не понимал тягу людей к природе. Лично я всегда ценил четкость линий, простоту и функциональность. Признавал лишь то, что приносит пользу. А такие сомнительные понятия, как любовь, дружба или красота считал бессмысленными и пустыми.

Да и что это такое – красота?

Солнце взошло – солнце ушло... Одно время года сменяется другим... День и ночь... Жизнь и смерть... В мире давным-давно все было известно, продумано, описано и имело точное определение. Так зачем привносить иной смысл в уже устоявшиеся понятия? Специально вставать пораньше, чтобы полюбоваться рассветом? Или без причин таращиться на гладь горного озера, как будто на его поверхности могли сами собой появиться ответы на вопросы, которые испокон веку тревожили человечество?

Даже Кариур, вот уже почти два десятилетия как мирно почивший в могиле, мог подолгу сидеть на одном месте и бездумно смотреть на облака. В такие моменты он становился рассеянным, порой отвечал невпопад. Зато по возвращении его нередко озаряли неожиданные идеи. Но ни тогда, ни сейчас я не мог сообразить, по какому принципу это работает.

Вспомнив о старике, я вытащил из-за пазухи потрепанную тетрадь и, наверное, в тысячный раз ее раскрыл. Многие из этих выкладок даже сейчас оставались мне понятными не до конца. Но кое-какие вещи я все-таки уловил, а к каким-то еще не раз вернусь для лучшего понимания.

«Эксперимент под номером восемнадцать дробь восемьдесят два. Состав... доза... реакция отсутствует. Результат отрицательный.»

Эксперимент под номером сорок пять дробь семьдесят один. Состав... доза... реакция слабая... Пометка: кратковременная. Конечный результат признан неопределенным.

Эксперимент под номером...

Результат отрицательный... отрицательный... отрицательный...»

Я пробежался глазами по затертым чуть ли не до дыр листам, в который раз похвалив Кариура за то, что тот вел подробные записи. И остановился на последних, самых важных строках, где старик обозначил свои выводы.

«Исследуемый объект демонстрирует несомненные признаки принадлежности как к миру живых, так и к миру мертвых. Жизненные процессы в его теле резко замедлены. Сердечная и дыхательная деятельность не определяются. Рост, вес и другие внешние данные на протяжении всего периода наблюдения остаются неизменными и примерно соответствуют возрасту десяти-двенадцати лет. При этом сила, скорость и иные параметры физического тела выходят далеко за рамки человеческих возможностей...»

Угу. Целый месяц я специально для колдуна усиленно бегал, прыгал и таскал тяжелые валуны, пока мы окончательно не выяснили, что именно я могу и как это лучше использовать.

«Тем не менее объект все-таки развивается. Взрослеет, хотя и преимущественно на ментальном уровне. На физическом, вероятно, процесс тоже идет, однако протекает настолько медленно, что обычными методами уловить разницу не представляется возможным.

В пользу живого также свидетельствует тот факт, что при определенных условиях из ран на теле объекта выделяется субстанция, напоминающая по внешнему виду человеческую кровь. Правда, ее состав удалось идентифицировать лишь частично, однако после нанесения раны всегда следует заживление. Причем восстановление тканей происходит не только быстро, но и полностью, независимо от степени и характера повреждений.

Источник столь высокой регенерации до сих пор остается неясным, но он определенно не зависит от внешних факторов.

Стоит также отметить, что подобная скорость восстановления характерна для живых существ лишь в очень раннем возрасте. Однако для нежити данное явление нетипично вовсе, что ставит под сомнение принадлежность объекта к высшей (тем более к низшей) нежити.

Против данной версии свидетельствует тот факт, что объект, несмотря на высокие нагрузки, не устает, не нуждается в еде или во сне и независим от времени суток...»

Ну, да. Днем я чувствую себя неуютно. Мои реакции замедлены, мыслительные процессы менее активны. И только с наступлением вечера я, как и обычная нежить, начинаю нормально функционировать.

«Таким образом, я прихожу к выводу, что объект находится вне привычных для нас категорий живого и неживого. Причем с высокой долей вероятности был введен в данное состояние искусственно. Предположительно посредством неизвестного заклинания или же очень мощного (возможно, темного) проклятия.

Цель подобного воздействия на объект пока неясна.

Эксперимент? Ошибка в заклинании? Случайный или умышленный перевод объекта на границу между живым и неживым?

Теория требует подтверждения.

Предположительные сроки спада проклятия...»

Тут несколько слов были тщательно зачирканы карандашом. Видимо, изначально у Кариура были неполные данные.

«...Подсчитать не удалось. Сроки существования объекта не позволяют достоверно определить даже примерное время окончания его жизненного цикла.

Тем не менее можно сделать вывод о наличии прямой связи между состоянием физического тела и эмоциональной составляющей объекта. Так длительное отсутствие или искусственное ограничение эмоций провоцировали подавление и обратное развитие реакций, вызванных составами под номером...»

Дальше шел внушительный список неудачных эликсиров.

«За исключением состава сорок пять дробь семьдесят один.

Стойкость эффекта имела прямую зависимость от степени проявленных объектом эмоций. Максимально длительный (а именно месяц и четыре дня) эффект был достигнут от применения состава сорок пять дробь семьдесят один, из чего следует заключить, что предположение о влиянии на объект магии крови верно, в связи с чем необходимо продолжить испытания данного образца.

Имеет также смысл рассмотреть вопрос о включении в состав дополнительных компонентов, не ограничиваясь имеющимися двенадцатью ингредиентами.

Вопрос о добавлении крови одаренных пока считаю открытым.

Отдельно следует отметить влияние на объект неодушевленных, но в определенной степени способных проявлять отголоски эмоций субъектов. В частности, в присутствии высшей нежити эмоциональность объекта доказуемо увеличивалась. Количество субъектов также имело значение, в том числе степень их сохранности, умение приспосабливаться к пожеланиям объекта и способность имитировать реакции живого организма.

Достоверность выводов насчет связи состояния объекта с присутствием живых существ сомнительна ввиду недостаточной выборки. Однако можно предположить, что при наличии в его окружении большего количества разумных, провоцируемые эликсиром, реакции будут протекать быстрее и с определенной степенью вероятности получают более стойкий эффект...»

Я оторвался от чтения и, мельком оглядев пустую крышу, на которой по обыкновению дожидался рассвета, коснулся висящей на поясе старой фляги.

Что ж, Кариур оказался прав – рядом с людьми я действительно становился более похожим на человека. Причем и внешне, и, так сказать, внутренне. Состав, благодаря которому эти изменения стали возможны, я со временем научился воспроизводить и обновлял его, как и советовал Кариур, не реже одного раза в месяц.

Насчет количества людей, необходимых для создания полноценного лекарства, тоже убедился: их должно быть ровно двенадцать. Не больше (действенность эликсира от этого не менялась), но и не меньше, потому что в последнем случае он начинал утрачивать полезные свойства.

Насчет предположения старика, что изменило меня именно проклятие, я, пожалуй, тоже склонен был согласиться, поскольку это и впрямь объясняло очень многое. Будучи проклятым, я, по мнению Кариура, однажды утратил человеческий облик, скатился к почти звериному состоянию и довольно долгое время провел в таком неприглядном виде. Однако потом почему-то процесс обратился вспять, и я вернул себе не только разум, но и первоначальный облик.

Плохо то, что я не помнил, что же именно со мной произошло, где я родился, как жил, кем и за что был проклят. А также, сколько времени провел в невменяемом состоянии.

Обрывки памяти, доставшиеся мне с прошлых времен, не несли с собой ничего вразумительного. Поэтому я помнил лишь то, что какое-то время передвигался на четырех конечностях вместо двух. Вместо нормальной речи был способен только хрипеть и рычать. Днем зарывался в перепревшие листья или закапывался в землю, спасаясь от слепящего солнца. Подолгу спал... Вернее, отключался, выпадая из жизни на целые недели и, наверное, даже месяцы. А когда приходил в себя, то снова вставал и куда-то брел, что-то искал, даже не понимая, зачем это делаю.

Еще я убивал... Да, думаю, в первое время я много убивал. Но не потому, что был голоден, а скорее из желания, чтобы меня оставили в покое.

Тогда я не понимал, отчего каждый встречный при виде меня сначала впадал в ступор, а затем с криком убегал или же пытался атаковать. Меня боялись. Проклинали. В меня регулярно швырялись острыми предметами, рубили мечами, кололи копьями, пытались прибить вилами к земле, закопать и даже сжечь. А когда стало ясно, что простые методы не работают и после недолгого забытья я все равно оживаю, люди испугались еще больше и в отместку обозвали меня тварью. Злобным порождением Саана. Но тогда я мало что понимал. А накрепко уяснив, что близость людей несет с собой угрозу, впоследствии старался держаться от них подальше.^[3]

Более или менее связные воспоминания появились у меня лишь в последние несколько десятилетий, когда я все же осознал себя разумным существом. Вспомнил собственное имя и то, что когда-то и впрямь считал себя человеком. Я заново научился мыслить, разговаривать, а заодно обнаружил, что в отличие от простых людей больше не способен испытывать эмоции и что меня почему-то слушается нежить.

Бывало, когда я шел мимо кладбища, из могил поднимались целые полчища мертвецов. Люди, звери, птицы... Везде, где я появлялся, из земли выбирались скелеты и полуразложившиеся зомби. Порой они просто стояли, провожая меня пустыми глазницами. Иногда тащились следом, будто привязанные. И какое-то время это доставляло массу неудобств, пока я не понял, что могу ими управлять, и не начал использовать их по собственному усмотрению.

При этом и тогда, и сейчас мое тело оставалось практически неизменным. Несмотря на прожитые годы, я по-прежнему выглядел лет на десять-двенадцать. Был очень худ. Неестественно бледен. Но все же гораздо больше походил на человека, нежели на лича, которым меня одно время обзывали.

Неудивительно, что Кариур, когда впервые явился в мою пещеру и вместо кровожадного чудовища нашел там истощенного ребенка, впал в состояние шока.

– А где монстр?! – ошеломленно спросил он, когда все-таки отмер.

– Я – монстр, – хмуро отозвался я и на всякий случай уточнил: – Убивать будешь?

Колдун почти без раздумий ответил:

– Нет.

И это был первый случай, когда посланный за моей головой охотник не стал с ходу кидаться заклинаниями, а, наоборот, захотел разобраться.

С тех пор прошло много лет.

За эти годы я многое узнал и многому научился. Досконально изучил свои сильные и слабые стороны. Пришел к выводу, что в новой жизни чувствую себя не так уж плохо. И лишь

одно меня тяготило – провалы в памяти. А также вопросы, на которые не было ответов.

Кариур, правда, считал, что потеря памяти – это временное явление и что ее еще можно вернуть, если, так сказать, снова сделать меня человеком. Он полагал, что человеческая память тесно связана с эмоциями и что если мне удастся вспомнить то, что я когда-то испытывал, то однажды я смогу вспомнить и того, кто меня проклял.

Именно поэтому в итоге я и согласился на предложенный Кариуром эксперимент и годами исправно пил, мазал и жевал магическую бурду, среди которой он искал нужное лекарство. Его работа все-таки дала плоды – в конце концов нужный эликсир был найден. Однако теперь, когда старика не стало, мне приходилось самому доводить его идеи до логического завершения. Ну, а поскольку моих знаний и умений для этого было недостаточно, то процесс замедлился, хоть и не остановился.

Другого колдуна, согласившегося помогать по доброй воле, я, как следовало догадаться, не нашел – мало кто из одаренных вот так, с ходу согласится сотрудничать с нежитью. А вот кровь одаренных все-таки использовал – она, к сожалению, оказалась бесполезной. Кровь животных, птиц, толченые минералы, разнообразные травы... Чего я только не добавлял за эти годы в придуманный Кариуром состав. Но неизменной оставалась лишь одна цифра: двенадцать. Двенадцать простых смертных должны были отдать частичку себя ради того, чтобы я мог оставаться человеком. Ну, а остальные присадки требовались лишь затем, чтобы кровь не свернулась раньше времени.

За два десятилетия, прошедшие со смерти старика, я, конечно, ни капельки не вырос, мой внешний вид не стал соответствовать возрасту. Но благодаря регулярному употреблению человеческой крови неестественная худоба, так напугавшая когда-то Кариура, стала гораздо менее заметной. На некогда плешивом черепе отросли густые светлые волосы. Такая же светлая, пока еще с сероватым оттенком кожа больше не пугала людей одним своим видом. Глаза перестали гореть зловещим алым огнем, при этом не потеряв способности видеть в темноте и различать человеческие ауры. Еще я успел несколько раз сменить прикус, в итоге остановившись на вполне приемлемом для себя варианте. И только с аурой пока ничего не получалось сделать, однако поскольку ее мало кто мог увидеть, то внедрение в человеческое общество прошло практически без усилий.

– Вильгельм, время, – без предупреждения нарисовался за моей спиной вездесущий Нардис. – Уже светает.

Я молча поднялся с крыши.

Несмотря на произошедшие со мной перемены, яркое солнце я по-прежнему не переносил. Вчера и сегодня ночью небо над Даманом было затянуто тучами, однако к утру их некстати растянуло, так что день обещал быть жарким. А значит, мне пора перебираться в подвал.

Конечно, вы скажете, что это рискованно – устраивать логово непосредственно в имперской столице. Но за годы, проведенные среди людей, я усвоил несколько простых истин. К примеру, что одиночке проще затеряться в большом и густонаселенном городе, нежели в крохотной окраинной деревушке. Что охотиться лучше там, где обитает много дичи. И что прохладные городские подземелья гораздо лучше подходят в качестве жилья, чем старая, продуваемая всеми ветрами пещера.

– Ну, вот, а ты говорил, что нам не нужен второй подвал, – произнес я, проследив за тем, как стремительно закрывается на предплечье небольшой порез. – Последний штрих, и новый вид костяных гончих будет готов к работе.

Здоровенная черепушка, на макушке которой так же стремительно исчезла капля тягучей темной крови, ожидаемо вздрогнула. С хрустом повернула голову, взглянув на меня полыхающими зеленою глазницами. А затем немаленький скелет, увенчанный клыкастой мордой, проворно вскочил, отряхнулся и неуверенно вильнул костлявым хвостом.

А что?

Кариур считал, что чем больше вокруг меня живых и чем достовернее будут реакции мертвых, тем быстрее я смогу стать прежним. Насчет живых я не торопился – мне пока и одного Нардиса хватало. А вот по поводу мертвых идеи появились уже давно, но только сейчас у меня дошли руки воплотить некоторые из них в жизнь.

– Вильге-э-эльм, – тревожно протянул мой верный помощник, когда ожившая гончая безошибочно отыскала у стены его силуэт и бесшумно оскалила зубы. Рычать ей было нечем. Как и чують, впрочем. Зато ауры, как и я, она различала прекрасно, поэтому первым же делом захотела выяснить, что это за чужак находится рядом.

Я хлопнул ладонью по лысой башке и поднялся.

– Нельзя. Свои.

Гончая тут же потеряла к человеку интерес, а Нардис перевел дух.

– Чтоб я еще раз напросился с тобой на магический эксперимент... Чью башку, если не секрет, ты ей прикрутил?

– Да попался мне как-то под руку один престарелый бьерн...

Я ненадолго прикрыл веки, припомнив, как отвоевывал у хозяина гор свою старую пещеру. И как после смерти Кариура размышлял, что именно взять в дорогу, если ни в еде, ни в одежде я не нуждался. В итоге мой взгляд остановился именно на черепе. Признаться, я уже тогда подумывал сделать своих мертвых слуг более совершенными. Но тогда, вначале, мне и без того проблем хватало, поэтому пришлось от них избавиться. А вот сейчас, когда я обвыкся в человеческом мире, помощники мне не помешают.

– Стой. Куда пошел? – не открывая глаз, осведомился я, заметив, что Нардис начал потихоньку сдвигаться в сторону выхода.

Тот замер.

– На улицу. Свежим воздухом подышать.

– К вечеру вернись. У меня дела в городе.

– Как прикажет мой юный господин... – завел старую песню этот поганец, но тут же ойкнул, выругался и стремглав кинулся к выходу из подвала, успев выскочить наружу и захлопнуть за собой дверь буквально за миг до того, как рядом с ней клацнули зубы моей гончей.

– Хорошая девочка, – похвалил я вернувшуюся тварь, которой в отличие от других моих созданий требовался лишь мысленный приказ. – Думаю, мы с тобой сработаемся.

Гончая вместо ответа подсунула башку под мою ладонь и замерла. А когда я на пробу почесал ей хребет, зверюга довольно ослабилась и чуть приглушила огоньки в глазницах, как если бы хотела зажмуриться от удовольствия.

Проделки имитирующего заклинания, разумеется. Я хотел, чтобы костяная псина была похожа на настоящую, и магия крови сделала из нее именно то, что мне требовалось.

Старик, кстати, не упомянул об этом в записях, однако именно наличие у меня крови и возможность использовать связанную с ней магию заставило его склониться в сторону мысли, что я все-таки больше живой, чем мертвый. Сам он, правда, этим видом магии не увлекался, поэтому его знания по данному вопросу оказались отрывочными. Однако он сумел дать мне основы, понимание сути. Ну, и, само собой, помогал с экспериментами, благодаря чему в конечном итоге и стало возможным появление моих мертвых слуг.^[4]

Кстати, о слугах...

– Имя бы тебе надо, – обронил я, оглядев гончую, чья зубастая морда застыла аккурат на уровне моей груди. – Решено: будешь Костью. А теперь стой смирно. Я несколько дополнительных знаков нарисую, чтобы тебя ни один артефакт в качестве нежити не опознал.

С псиной я провозился почти до вечера, благо мне никто не мешал. Ну, а когда на улице снова стало темнеть, я выбрался из подвала, поднялся на первый этаж дома, который Нардис полгода назад приобрел на свое имя, и, переодевшись, придирчиво оглядел себя в зеркале.

Люди обычно уделяли много внимания тому, что называется выглядеть прилично: целостности и опрятности одежды, чистоте обуви, хитрым образом уложенным волосам... Меня это поначалу приводило в недоумение, но в человеческом городе нельзя было появиться в окровавленной рубашке и с осколками чужих костей в шевелюре. Нельзя было открыто пройти на кладбище и вынести оттуда чужой труп. Всем и до всего тут было какое-то дело. Особенно до маленького мальчика, если он выглядел не так, как от него ожидали.

– Что, опять могилы пойдем копать? – с кислым лицом поинтересовался Нардис, увидев, как я примеряю длинный плащ.

Я покосился на появившееся в зеркале второе отражение.

– Как у тебя с манерами?

– Не очень, – мгновенно насторожился парень. – А что? Ты собрался навестить кого-то важного?

– У меня почти закончились ингредиенты для зелий. Да и заклинание на фляге пора обновить.

– Полгода же не прошло, – еще больше насторожился мой внимательный и местами прозорливый помощник. – Тот тип пообещал, что до следующей весны заряда у заклинания хватит.

Я спокойно кивнул.

– Он схалтурил. Поэтому нам придется обратиться к более опытному специалисту, который не только заломит цену на свои услуги, но и, скорее всего, окажется гораздо более щепетильным в отношении внешнего вида покупателей.

Лицо Нардуса приобрело задумчивое выражение.

– Ну... Лорда я при всем желании не изображу. А вот кого попроще, пожалуй, да. Например, наемного убийцу. Вора. Ну, или доброго дядюшку, которому поручили заботу о племяннике-сироте.

Я смерил его изучающим взглядом.

Богини наделили моего помощника довольно яркой внешностью. В свои двадцать с небольшим он являлся счастливым обладателем высокого роста и атлетически сложенной фигуры. Был достаточно силен, чтобы помогать в моих (порой не совсем законных) делах, и

достаточно умен, чтобы не задавать лишних вопросов. Еще у Нардиса были приметные волосы сочного медного оттенка, тонкие черты лица, выразительные зеленые глаза, которые неуклонно привлекали внимание женщин. Тогда как исполнительность, ответственность и умение предугадывать желания хозяина превращали парня в прекрасного компаньона, которому можно было многое доверить.

– Для лорда ты лицом не вышел, – заключил я, отчего физиономия у парня заметно вытянулась. – Насчет вора не уверен, а вот убийца из тебя получился так себе, если судить по причине, из-за которой тебя едва не вздернули на виселице.

Нардис мгновенно помрачнел.

– Да этого борова сами боги велели отправить в гости к Саану! Жирная скотина, которая все нажраться никак не может!

– То есть в чужой особняк ты залез, ведомый жаждой справедливости? – Я вопросительно приподнял одну бровь. – А то, что этот человек является вторым лицом пусть провинциального, но все-таки города, тебя не смутило?

– Он оставил мою семью без средств к существованию. Отобрал землю, потому что ему она, видите ли, приглянулась! Из-за него я попал на каторгу, моя мать умерла в нищете, а отца, решившего добиваться правды, посадили по ложному доносу!

– Ты сумел ему помочь своим дурацким поступком? – так же ровно осведомился я.

– Нет, – отвел глаза Нардис. – Когда мне удалось сбежать, было уже поздно. Отца накануне оглашения приговора зарезал один из сокамерников, которого потом оправдали. Наше имение по-быстрому продали, а мама не дождалась меня всего полгода. Так что я пришел отомстить. Этого, оправданного, все-таки вычислил, а вот до второго добраться не сумел. Он слишком высоко забрался... Скажешь, я дурак, да?

Я задумался.

Раньше меня мало интересовала его история. Вытаскивая парня из петли, я думал прежде всего о том, что мне не помешал бы должник, который в благодарность за спасение жизни согласится на что угодно, вплоть до магической кабалы. Лица других приговоренных не показались мне внушающими доверие. Тогда как Нардис, готовясь к казни, излучал столько ярких, жгучих и совершенно искренних эмоций, что привязать его к себе показалось мне хорошей идеей.

– Ты не дурак, – наконец, сказал я, прервав неловкое молчание. – Ты просто не умеешь красиво мстить.

– А ты разве умеешь? – непримиримо буркнула моя верная, хотя временами довольно строптивая тень.

– Я только учусь.

– Да ну?

– Ну да. У людей, как оказалось, многому можно научиться, – невозмутимо отозвался я, набрасывая на голову капюшон. – Я еще не очень хорошо в этом разбираюсь, но надеюсь, ты мне поможешь. Ты ведь поможешь?

Парень обреченно вздохнул.

– Куда ж я денусь?

– Тогда выбираем вариант с дядюшкой. Мне он кажется более подходящим.

На поиски нужной лавки мы потратили несколько часов, несмотря на то что за полгода, которые мы провели в Дамане, Нардис успел разузнать нужные адреса, а по городу приходилось передвигаться в специально нанятом экипаже.

С зельями проблем не возникло – запасы удалось пополнить быстро и сравнительно недорого. А вот с моей флягой ни один из колдунов не взялся работать, и все они в голос заявили, что ни одно заклинание на ней долго не удержится.

– Кожа – не самый долговечный материал, – пояснил Нардису пожилой эрт в последней лавке, которую мы навестили. – Как давно ее сделали? Лет тридцать-сорок назад?

Я окинул артефакт задумчивым взором.

Да, похоже, все семьдесят. И то при условии, что Кариур приобрел ее незадолго до того, как явился в мою пещеру.

– Вам лучше ее заменить, – заключил хозяин лавки. – Еще несколько лет фляга, конечно, прослужит, однако чем дальше, тем быстрее будет истощаться заряд и тем чаще вам придется обновлять заклинание.

– Выходит, тот тип все-таки не схалтурил, – пробормотал Нардис, когда мы вышли на улицу. – Оказывается, дело во фляге, а не в магии. Ты уверен, что есть смысл и дальше вкладывать деньги в это старье?

Я неопределенно качнул головой.

Саан его знает. Тетрадь и фляга – это все, что осталось от Кариура. Но раз фляга исчерпала свой запас прочности, то, пожалуй, за нее и впрямь незачем держаться.

– Пойди спроси, что есть у старика на замену, – наконец, велел я, и Нардис послушно развернулся в сторону покинутой нами лавки. Ну, а пока он точил лясы с продавцом, я все же заглянул в окно и решил присмотреться к принесенным им вещам.

Увы. Фляги, которые притащил старик, мне не подходили. Какие-то по размеру, какие-то по уровню защиты, а большинство просто по внешнему виду. Железо меня не устраивало – под действием эликсира оно быстро разрушалось. Кожа, даже с учетом магической защиты, оказалась еще менее долговечной. А различные украшения я считал излишними, поэтому Нардис потратил время зря.

Я даже начал подумывать еще раз пробежаться по лавкам, где мы только что побывали, но тут за два дома от меня с мелодичным треньканьем распахнулась дверь, и оттуда вышел немолодой дородный господин в дорогом камзоле.

– Благодарю. Еще раз мое почтение эрте Арриоле. Я вернусь за заказом через два дня... [5]

Кому он это сказал, я не увидел – все самое интересное, кроме ауры, скрыла собственно дверь. Однако именно аура-то и привлекла мое внимание, поскольку, судя по ее цвету и ширине, посетитель являлся одаренным. Да и провожал его человек с очень похожей аурой, тогда как в помещении за его спиной воздух аж искрился от обилия артефактов.

При этом, как только дверь за гостем закрылась, непонятную иллюминацию словно отрезало. Дом снова стал выглядеть совершенно обычно, поэтому, стоя снаружи, было невозможно понять, что происходит внутри.

С резко возросшим интересом я подошел ближе и только тогда сообразил, почему это здание не привлекло моего внимания раньше. Как оказалось, на доме не было вывески. Его ничто не обозначало как магическую лавку. Но в то же время в стены первого этажа была искусно вплавлена тонкая, очень изящная и почти незаметная защита, которая полностью гасила излучение от хранящихся внутри артефактов.

Недолго думая, я подошел к загадочной двери и, поднявшись на крыльцо, коснулся ладонью бронзового молоточка.

– Дзы-ы-ынь... – приглушенно тренькнуло в доме.

А еще через несколько мгновений дверь открылась. На пороге возник аккуратно одетый молодой человек с чересчур яркой для простого смертного аурой и с легким удивлением воззрился на мою низкорослую персону.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Да, эрт. Я хотел бы увидеться с леди Арриолой. Это возможно?

– Вам назначено? – после секундного колебания осведомился парень.

– Нет. Но надеюсь, многоуважаемая леди не откажет мне в такой малости и уделит несколько минут своего драгоценного времени.

– Одну минуту... – Деликатно кашлянув, молодой одаренный (вероятно, маг или колдун) прикрыл дверь и куда-то испарился, но очень быстро вернулся и, распахнув дверь уже на всю ширину, вежливо предложил: – Прошу.

Проводив меня сначала в просторный холл, а затем и в гостиную, обставленную с поразительной роскошью, молодой человек снова испарился. На этот раз – насовсем. Я же, оказавшись предоставленным самому себе, первым делом присмотрелся к так заинтересовавшей меня магической защите.

Действительно, великолепная работа. Очень тонкая. Практически незаметная. Но при этом надежная и весьма лестно характеризующая создавшего ее мага... Хотя нет, колдуна, конечно, потому что столь сложные заклинания – удел именно колдунов, а не обычных стихийников. Мне, к сожалению, эта магия не была доступна, как, впрочем, и любая другая. Ну, кроме магии крови, конечно. Еще я мог видеть чужие ауры. Мог распознать присутствие заклинаний или артефактов. А еще благодаря Кариуру мне была доступна теория, поэтому я мог без преувеличения сказать, что над здешней защитой поработал настоящий мастер.^[6]

– Нравится? – отвлек меня от созерцания этого шедевра мягкий женский голос.

Я неторопливо обернулся, а бесшумно появившаяся в комнате женщина изогнула тонкие губы.

Уже немолодая. Но статная, ухоженная и держащаяся с таким непередаваемым достоинством, словно была настоящей королевой. Густые темные волосы она явно подкрашивала и не ленилась укладывать в сложную прическу. За кожей тщательно следила, умело маскируя даже крошечные ее изъяны. А холеные руки и женственная фигура, деликатно обозначенная складками дорогого платья, наглядно доказывали, что хозяйка этого дома много времени уделяла собственной внешности. И, несмотря на возраст, даже дома стремилась выглядеть безупречно.

Хм. А аура-то у нее довольно скромная, если не сказать, обычная. Не по чину тот безымянный господин назвал ее эртой. Хотя, может, я чего-то не понимаю?

– Обычно гости, которые приходят сюда в первый раз, ведут себя иначе, – хорошо поставленным голосом заметила дама, когда я, вспомнив о приличиях, обозначил вежливый поклон.

– Доброго вечера, леди. Что, по-вашему, я сделал не так?

– Большинство людей при первом посещении этой комнаты смотрят на нее довольно поверхностно.

– Меня больше интересует внутренняя сторона вопроса.

– Для неодаренного это необычно, согласитесь? – прищурилась женщина.

Интересно, откуда она узнала, что у меня нет дара? Ах, да. Пусть сама она ауры не различала, однако у парня на входе было достаточно времени, чтобы как следует все рассмотреть. Значит, он все-таки колдун, а не маг. Ладно, учтем.

Сообразив, откуда ветер дует, я распахнул плащ и продемонстрировал висящий на шее амулет с клеймом известного столичного специалиста.

К сожалению, магическая наука в империи еще не дошла до таких высот, чтобы создавать артефакты, имитирующие ауру живого. Искажающие, полностью скрывающие – сколько угодно. Но таких, чтобы подарить ее тому, у кого ее по определению не было... К сожалению, людям это было не нужно, а нежить подобными умениями не владела. Поэтому проблему отсутствия ауры я решил другим способом и вместо одного артефакта надел другой. Благодаря чему ауры у меня по-прежнему не было, однако в присутствии амулета, который в теории должен был ее скрывать, это не выглядело подозрительно.

– Заня-а-атно, – протянула леди Арриола, совершенно правильно распознав клеймо на побрякушке. – Хотя мне по-прежнему непонятно, зачем вам понадобилось искать со мной встречи. ^[7]

Я виновато развел руками.

– Меня заинтересовала защита на вашем доме. И я подумал: раз его владелица столь сведуща в магическом искусстве, быть может, она сумеет помочь мне в решении гораздо менее сложной проблемы?

На лице женщины обозначилось разочарование. Полагаю, она не просто так не повесила на своем доме соответствующую вывеску и далеко не всех желающих приглашала на аудиенцию. Судя по тому, что я увидел, у нее уже имелась не только серьезная репутация, но и круг богатых клиентов. А случайных людей вроде меня она просила не беспокоить.

– Что же вам от меня нужно, молодой человек? – все же соизволила спросить потерявшая ко мне интерес хозяйка дома.

Я молча достал из-под плаща потертую флягу.

На красивом лице леди проступило недоумение, но неожиданно ее зрачки дрогнули, глаза изумленно распахнулись, взгляд впился в рисунок магических линий на потертой коже. Госпожа Арриола непроизвольно подалась вперед, но потом резко выпрямилась, как-то вся заледенела и бросила:

– Убирайтесь! Не знаю, кто вас сюда послал, но вы ничего за эту вещь не получите!

Признаться, столь бурная реакция меня озадачила. За кого она меня приняла? И почему уставилась на стоящее клеймо так, словно это ядовитая гадина?

– Кхм... – кашлянул я, не зная, как лучше поступить. За последние годы я, конечно, успел узнать о людях немало, однако в таких ситуациях, как сейчас, все еще был велик риск совершить ошибку. – Простите, если я вольно или невольно задел вас, миледи. Но, признаться, я не собирался продавать эту вещь.

На лице женщины появилось бесстрастное выражение.

– Зачем же вы мне ее показали?

– Я надеялся, что мне, напротив, не придется с ней расставаться. Фляга, как видите, довольно старая, заряд держит плохо. Но в других лавках мне сказали, что устранить неисправность не получится. Поэтому когда я увидел защиту на вашем доме, то подумал, что мастеру, ее создавшему, возможно, удастся мне помочь.

Леди Арриола чуть сузила глаза.

– Вы что, издеваетесь?!

– Ни в коей мере. Если вас оскорбляет вид этой вещи или чем-то неприятен человек, который ее создал, то я больше не стану отнимать ваше время. Благодарю, что согласились меня принять.

С этими словами я развернулся и вышел, оставив разъяренную моей нескромной просьбой леди кусать губы и мять дорогие кружева на рукавах. Но не успел молодцеватый паренек распахнуть передо мной дверь, как изнутри все-таки послышалось усталое:

– Подождите.

После чего побледневшая, откровенно болезненно выглядящая леди медленно вышла в холл и, встретив мой озадаченный взгляд, тихо-тихо спросила:

– Что вам известно о... Кариуре?

Глава 3

Спустя три часа, когда я вернулся домой, сидевший как на иголках Нардис буквально подскочил с диванчика в холле.

– Вильгельм! Где тебя носило столько времени?!

Я спокойно разделся и прошел мимо парня на кухню.

– У меня были дела.

– Дела?! – возмущенно вскинулся тот. – Я тебя целый час на улице прождал! Потом вернулся сюда! Места себе не находил! А ты заявляешься только после полуночи и вот так спокойно говоришь: «Дела»?!

Я пожал плечами.

– Да. А что?

– Ты... Ну, ты и!..

Нардис проглотил какое-то слово и, хлопнув дверью, ушел. Судя по топоту на лестнице, наверх. Спать. Тогда как я, напротив, направился вниз, в подвал, где, аккуратно прикрыв за собой дверь, изучающе взглянул на валяющуюся посреди пустой комнаты груды костей. Для верности я даже обошел их по кругу, оглядел во всех доступных мне спектрах зрения, кинул в общую кучу горсть заранее припасенных косточек, однако гончая не проявила к осмотру ни малейшего интереса. И даже в лежащем на боку громадном черепе не мелькнуло ни одного зловещего огонька.

Я щелкнул пальцами.

– Проснись!

Хм. Разумеется, можно было отдать приказ и мысленно, но вслух оказалось как-то привычнее. Впрочем, костям и этого оказалось достаточно, потому что они тут же встрепенулись, зашевелились и, собравшись в единое целое, восстали с пола в виде здорового собачьего скелета, увенчанного такой же громадной зубастой головой. При этом все кости, которые я принес с собой, остались лежать там, куда упали. А все зачарованные, наоборот, были использованы по назначению.

Запомнив время, которое понадобилось псине на восстановление, я сделал пометку в прихваченной с кухни тетради и, как только костяная гончая повернула ко мне башку, так же ровно приказал:

– Спи!

Она как стояла, так и рухнула на пол, снова обратившись в груды безучастных ко всему костей. Громадный череп грохнулся сверху, ударившись о камни с такой силой, что по подвалу разнесся низкий гул. Однако на безупречно чистых, гладких, замечательно белых косточках, магические узоры на которых были видны лишь одаренным, не появилось ни одной трещины. Из чего я заключил, что правильно рассчитал параметры устойчивости материала к повреждениям, и сделал в тетради еще одну пометку.

Заново осмотрев скелет и обозначив предварительные выводы, я пинком разбросал кости по углам и снова велел гончей:

– Проснись!

А потом с любопытством проследил за тем, как стремительно собираются разбросанные мной костяшки и как поднимается на лапы совершенно невредимая гончая, истратив на воскрешение лишь на несколько мгновений больше, чем ей потребовалось в

прошлый раз. При этом все кости встали строго на свои места, ни одна не перепуталась. А практически полное отсутствие шума во время сборки позволяло надеяться, что даже в экстремальной ситуации я смогу восстановить гончую незаметно для посторонних.

Ладно. Теперь попробуем по-другому.

Развоплотив гончую во второй раз, я решил усложнить ей задачу и откатил скалящийся клыками череп в самый дальний угол комнаты. Туда же вразнобой накидал кучу других костей. Несколько штук в порядке эксперимента придавил камнями. На одну для верности наступил сапогом. И только после этого приказал твари восстать.

Жизнь у нежити непростая. Меня в разное время пытались убить всеми возможными и невозможными способами, поэтому с Костью однажды могут поступить точно так же. А я хотел быть уверенным, что в случае необходимости смогу ее восстановить не только без особых усилий, но и не сильно потеряв в качестве.

Гончая и на этот раз меня порадовала: собралась полностью и с достойной уважения скоростью. Придавленные камнями косточки попросту выскочили оттуда, выдернутые нитями заклинания крови. Тяжелый череп, неуклюже перекатываясь, докатился до остального костяка сам. Ну, а мелочь, которую я умышленно придавил сапогом, и вовсе сначала заерзала, заскрежетала, после чего каким-то хитрым образом вывернулась и тоже юркнула на положенное ей место.

– Хорошая собака, – рассеянно похвалил я радостно оскалившуюся и активно завилявшую хвостом гончую. После чего подошел, еще раз ее осмотрел, особенно уделив внимание сочленениям костей. Однако заклинание удерживало их надежно. Даже мне не удалось вырвать оттуда ни одной. Поэтому для следующего этапа испытаний псину опять пришлось усыпить, и только после этого я смог забрать из общей кучи понравившуюся мне кость, после чего взял заранее припасенный молот и одним ударом расколошматил ее в пыль.

– Проснись!

На этот раз гончей потребовалось чуть больше времени, несмотря на то что кость я забрал далеко не самую важную. Зато заклинание сработало именно так, как я и планировал, – подобрав с пола и поставив на пустующее место одну из тех костей, что изначально не входили в состав скелета. Более того, когда Кость выпрямилась, заклинания с зачарованных ранее костей переползли на новую косточку, тем самым надежно ее закрепив и вернув псине целостность.

Я даже пощупал ее, чтобы убедиться в правильности своих умозаключений. Для этого пришлось почти целиком залезть под смирно стоящий скелет (все же иногда удобно быть маленьким) и проверить крепость соединений вручную.

– Чем это ты занимаешься? – некстати отвлек меня от изучения скелета полный нескрываемого подозрения голос Нардуса.

– Работаю, – кратко отозвался я из-под гончей.

– А-а... Я уж подумал, тебя совесть замучила. И теперь ты с досады стучишься головой о стены, искренне сожалея, что заставил своего верного слугу несколько часов кряду промучиться от неизвестности.

Я высунулся из-под смирно стоящей псины и молча уставился на замершего в дверях парня.

Эм. Это что, была шутка?

Признаться, смысл человеческого юмора и сейчас по большей части от меня ускользал,

поэтому я не всегда мог быть уверен, что понял его правильно. При этом, несмотря на шуточный тон, на лице Нардиса не было привычной улыбки. Напротив, он выглядел встрепаным, немного растерянным и каким-то... Тревожным?

– Ты что, беспокоился? – сопоставив одно с другим, предположил я.

Нардис насупился, но магическая клятва не позволяла ему ни соврать, ни отмалчаться, поэтому он неохотно буркнул:

– Да.

– За меня беспокоился? – на всякий случай уточнил я.

– Да, Саан тебя побери! Тогда как ты... Мог меня хотя бы предупредить! Оставить знак. Записку. Да хоть крикнуть. Так, мол, и так, пойду прогуляюсь...

Я выбрался из-под псины целиком и наморщил лоб.

– Я оставил тебя в лавке, дав перед этим вполне конкретное задание. За это время у меня возникли неотложные дела, и я ушел, не поставив тебя в известность. Собственно, я и не должен был этого делать. А у тебя на такой случай есть приказ, согласно которому в любых непредвиденных обстоятельствах ты не занимаешься моими поисками, не лезешь на рожон, а спокойно идешь домой и ждешь там... Я ничего не упустил?

Нардис насупился еще больше.

– Нет.

– Так зачем же ты торчал на улице битый час, прежде чем сюда вернуться? – подвел я итоги своих размышлений. – Что тебе помешало?

– Ты мог попасть в беду. Тебя могли похитить, обокрасть, поранить... Тебе могла понадобиться помощь!

Хм. Он это серьезно?

Под моим пристальным взглядом Нардис вспыхнул и отвернулся. Похоже, все-таки вспомнил, с кем разговаривает. И о том, кто именно вытащил его с виселицы. Дело, конечно, происходило поздним вечером, мое лицо он тоже увидел не сразу. Но момент, когда мы покинули город и я принялся прямо на ходу выдергивать из себя многочисленные стрелы, не увидеть было сложно. А уж с какой скоростью ко мне приросла отрубленная каким-то притким стражником рука, и вовсе не должно было испариться из его памяти.

– Извини, – хмуро бросил Нардис, когда повисшая в подвале тишина стала воистину угнетающей. – Я забыл, что на человека тыходишь лишь внешне. Да и то если захочешь.

Пока я соображал, что бы такое ответить, Нардис развернулся и ушел, не пожелав больше ничего пояснить. А когда за ним закрылась дверь, мои мысли плавно вернулись к леди Арриоле и тому разговору, который между нами состоялся.

* * *

– Как вы догадываетесь, я не могу дать вам полную информацию по поводу Кариура, леди. Точно так же, как и вы не рискнете не воспользоваться камнем правды во время нашей беседы.

– Я просто должна убедиться...

– Понимаю, – вежливо улыбнулся я. У людей так принято – выражать эмоции даже тогда, когда их на самом деле нет. – Но должен вас огорчить, потому что вашего брата уже порядочное время нет в живых.

Леди Арриола на это только грустно кивнула.

– Знаю. Он оставил артефакт, который сообщил мне об этом еще два десятилетия назад.

– Тогда что же вас интересует?

Я позволил себе легкое недоумение в голосе.

И правда? Чего было нервничать, если о самом плохом она знала уже давно?

– Это... сложно, – внезапно замялась женщина и беспокойно заходила по комнате. –

Кариур был очень своеобразным человеком. Но при этом чрезвычайно одаренным. И, как все гении, он жил лишь своими идеями, работой, поэтому редко прислушивался к семье. Последняя наша встреча вышла неудачной. Мы расстались в ссоре. И, как это часто бывает, только спустя годы я поняла, что на самом деле причины не так уж важны.

– Он не прислал вам весточку после своего ухода? – предположил я.

– Ни одной за те почти шестьдесят лет, что мы не виделись. Хотя я искала... Долгое время его искала и была готова многое отдать за сведения о том, на что... или на кого... он потратил последние годы своей жизни.

Я задумался.

О том, что у него была сестра, Кариур не говорил, а я, разумеется, не интересовался. Любопытство мне и сейчас было не очень-то свойственно, особенно если дело не касалось лично меня. А уж тогда я и вовсе не знал, что это такое, и довольствовался лишь теми сведениями, которые старик рассказывал сам.

– Вы поэтому так отреагировали, когда увидели мою флягу?

– Одно время в мой дом зачастили проходимцы, готовые наплести что угодно, лишь бы получить обещанную награду за информацию о моем брате, – дернула уголок рта леди, остановившись напротив меня. – Камни правды уберегли меня от ошибки, а с годами поток лжесвидетелей постепенно иссяк. Но награду я все-таки не отменила, поэтому время от времени все равно появляются авантюристы, готовые заявить, что якобы знали моего брата лично.

– Я не собираюсь этого утверждать, – дипломатично заметил я. – Но мне известен человек, который мог бы вам в этом поклясться. И если верить ему, то последние пятьдесят лет своей жизни ваш брат отдал одному крайне важному научному эксперименту.

– Это так на него похоже...

– Да. Мне тоже рассказывали о нем как об увлекающейся личности.

– Что это был за эксперимент?

– Не могу сказать. Но мне совершенно точно известно, что работа вашего брата была тесно связана с жизнью человека, от которого я получил эти сведения. Кариур взялся ему помочь. И, насколько я знаю, сдержал обещание, хотя на это и ушла большая часть его жизни.

В глазах леди мелькнуло сомнение.

– Кариур был не так уж и стар. На момент, когда сработал сигнальный артефакт, ему было чуть больше девяноста лет. Это не тот возраст, в котором одаренные уходят к светлым богиням.

– Кариур долгое время провел в аномальной магической зоне, – спокойно ответил я. – Это его ослабило и раньше времени свело в могилу.

– Вам известно, где он похоронен?

– Он пожелал умереть на вершине безымянной горы. На рассвете. Там же его тело было сожжено, а прах развеян по ветру. В тех самых местах, где ему нравилось жить и где он так долго работал.

Леди Арриола вскинула на меня недоверчивый взгляд, но камень правды в ее руке по-прежнему оставался темным. А значит, она могла быть уверенной, что я ни в чем ее не обманул.

– Вы знаете, в какой области практиковал мой брат? – после долгой паузы спросила она.

– Насколько мне известно, он считался больше теоретиком, нежели практиком. Тем не менее из-под его руки выходили весьма неплохие артефакты, а еще он славился как отличный специалист по проклятиям.

– Тот человек, о котором вы говорили... кому мой брат взялся помогать... Он тоже был проклят?

– Да, – не считал нужным я утаивать эту информацию.

– И вы уверены, что Кариуру удалось ему помочь?

– Не совсем. Но ваш брат сумел найти верный путь, поэтому существует вероятность, что с помощью его советов тот человек все-таки сможет однажды одолеть свой недуг.

Леди какое-то время молчала, а потом посмотрела на старую флягу в моих руках и тихо сказала:

– Если не возражаете, я хотела бы ее выкупить.

Меня это не удивило.

Людям нередко было свойственно прикипать душой не только к другим людям, но и к бесполезным на первый взгляд вещам, особенно если те были связаны с какими-то значимыми событиями. Лично для меня фляга интереса не представляла, но, поразмыслив, я пришел к выводу, что из ситуации все-таки можно извлечь выгоду. Поэтому, когда леди попыталась предложить свою цену, я внес встречное предложение:

– Готов отдать вам ее даром, миледи. Если вы будете так добры, что подскажете, где я смогу подыскать замену.

На губах леди Арриолы снова промелькнула слабая улыбка.

– Благодарю вас. Если вы зайдете ко мне завтра, думаю, я смогу уладить этот вопрос...

* * *

В общей сложности мы проговорили чуть больше полутора часов, после чего сестра Кариура была так любезна, что заказала для меня экипаж, поэтому домой вопреки опасениям Нардуса я добрался без приключений. А вот сейчас, когда прошло немного времени и у меня появилась свободная минутка, я вдруг поймал себя на мысли, что что-то не так.

Нет, интерес леди Арриолы к делам брата был вполне оправданным. Ее желание узнать о последних годах его жизни – более чем понятным, поэтому во время беседы я постарался ответить на все ее вопросы.

Однако же было в этом что-то неправильное. Что-то совсем незначительное, даже пустяковое, что тем не менее заставляло меня раз за разом возвращаться к беседе и прокручивать в памяти одни и те же слова в поисках того, чего там быть не должно.

Я размышлял об этом, пока возился с гончей, убирал подвал, мыл руки и менял рабочую одежду на домашнюю. Иными словами, делал все то, что делают обычные люди, особенно если у них полно времени, которое нечем занять.

Поначалу, правда, эти телодвижения казались мне бессмысленными. Со временем их

частое повторение начало меня слегка раздражать. Но я решил, что раздражение – это тоже эмоция, поэтому приучил себя выполнять принятые в человеческом обществе ритуалы и со временем довел их до автоматизма. К примеру, в грязной обуви в постель не ложиться, в рваной одежде на улицу не выходить. Не грубить, не хамить без повода. Надежно прятать за собой трупы. А также регулярно мыться. Менять носки. И в любой непонятной ситуации вежливо улыбаться.

Говорят, улыбка обезоруживает. При виде улыбающегося человека люди непроизвольно расслабляются и настраиваются на мирный лад. А я за годы, проведенные среди смертных, настолько в этом уверился и одновременно так давно не встречался с реальной угрозой, что когда услышал скрип входной двери и приглушенный шорох в коридоре, то попросту не успел перестроиться.

– Здравствуйте, – только и успел сказать я, выйдя в коридор в пижаме и тапочках и нос к носу столкнувшись с тремя незнакомцами, обряженными в темные тряпки. – Чем могу?..

Вошедший в мою грудь до упора нож заставил меня осечься, а мощный толчок чужой ладони с грохотом опрокинул навзничь.

Не то чтобы это было больно – боли-то я как раз не почувствовал. Но вот внутри что-то все-таки шевельнулось. Что-то непривычное. На удивление сильное. Давным-давно забытое чувство, при появлении которого я непроизвольно замер, чтобы его не спугнуть.

Это было что-то новое для меня. Не раздражение, а... наверное, досада.

И правда. Досадно, имея на руках все карты, так грубо ошибиться с выбором линии поведения.

– Придурок, ты что наделал?! – шепотом рявкнул из коридора какой-то мужик. – Нам было велело забрать флягу! А ты что натворил?!

– Дык это... сопляк сам под руку попался...

– Идиот! Хватай флягу, и уходим, пока весь дом не разбудили!

На кухне тут же стало тесно, совсем рядом послышалось надсадное сопение, а затем надо мной склонилось незнакомое бородатое лицо. Лишь для того, чтобы наткнуться на мой озадаченный взгляд и тут же отшатнуться.

– Саан... он моргнул!

Тьфу два раза. Привычка.

– Что?! – прошипел из коридора второй мужик.

– Говорю: сопляк еще живой! У него глаза открыты!

– И что с того?! Добей его, и валим отсюда!

Я отчего-то зацепился мыслью за слово «сопляк» и даже не вздрогнул, когда бородач выдернул нож из моей груди, а затем пару раз всадил его туда снова.

Вот! Вот что выбивалось из общего фона в поведении Арриолы! Для этих людей я был всего лишь неразумным мальчишкой, от которого не нужно было ждать угрозы! Тогда как дамочка общалась со мной как с равным! Вот что меня насторожило!

На радостях от такого открытия я резко сел, перехватив жадно шарящую на моем поясе руку. С хрустом повернул голову. Взглянул во внезапно расширившиеся глаза склонившегося надо мной мужика. И, глядя, как стремительно стекленеют его выпученные глаза, коротко приказал:

– Проснись.

Звонкий щелчок пальцев прозвучал в оглушительной тишине как удар хлыста. Или как раскат грома, раздавшийся посреди ясного неба. Неудивительно, что бородач с перепугу

икнул и брякнулся на задницу, не в силах не то что голос подать, а даже отползти.

Тот, что отдавал ему приказы, и второй, чью ауру я тоже прекрасно видел, пришли в себя гораздо быстрее, поэтому с хриплым клекотом метнулись прочь. Но, судя по раздавшемуся вскрику, до двери добежать не успели и вообще не догадывались, что я решил сегодня не закрывать дверь в подвал, где только и ждало моего приказа смиренно дремлющее чудовище...

Короткий хруст, жуткий чавк, сдавленный стон – вот, собственно, и все звуки, которые потревожили этой ночью наших добрых соседей. Ну, а когда все стихло и в дверном проеме нарисовалась окровавленная зубастая морда, оставшийся в живых вор вдруг захрипел, посинел, позеленел и, схватившись за грудь, совершенно неожиданно завалился на бок.

Хм.

Похоже, у бедолаги сердце нехстати прихватило.

Кость, бряцая когтями, подошла ближе и, толкнув неподвижного бородача носом, послушно села рядом.

– Вот незадача, – пробормотал я, убедившись, что тот действительно помер. – Но это не ты виновата. Это у него от рождения нервы слабые были.

– Вильгельм, с кем ты там опять говоришь? – отвлек меня от созерцания свеженького трупа сонный голос Нардиса.

После чего в коридоре послышались шаркающие шаги и душевный, с подвыванием, зевок, очень кстати напомнивший о том, что ночь еще не закончилась.

– Так. Ты – за мной, – велел я псине, быстрым шагом выходя в коридор. – А ты – приберись. Кажется, у меня снова образовались дела.

Нардис при виде выскользнувшей с кухни Кости враз проснулся и поспешил отпрыгнуть в сторону. Но, запоздало рассмотрев, что творится у него под ногами, поскользнулся в луже крови и с руганью грохнулся на пол. Издал какой-то непередаваемый звук. А потом увидел меня во всей красе и замер.

– Ты... там... у тебя нож из груди торчит, – почему-то шепотом сообщил он, не смея лишний раз пошевелиться.

А, да. Забыл.

– Спасибо, – по привычке поблагодарил я и, вытащив из себя совершенно чистое лезвие, прямо в пижаме и тапочках вышел на улицу.

Несмотря на поздний час, леди Арриола Молио Ард ан Торано не спала и в ближайшие несколько часов ложиться не собиралась. Обычно строгий распорядок дня помогал ей поддерживать форму, спокойный сон служил залогом не только долголетия, но и хорошего самочувствия. Однако сегодня ей стало не до забот о здоровье, потому что известия, которые принес ей случайный мальчишка, оказались в сотни и тысячи раз важнее, чем это можно было предположить.

Проклятый Кариур... несносный гордец с его бараньим упрямством!

Ох, как же долго она его выслеживала. И как долго мечтала, что однажды добудет хотя бы один из созданных им артефактов, чтобы наконец-то избавиться от проклятия, на которое обречена ненавистный старший брат.

Их вражда началась давно. Еще с тех самых пор, когда она была босоногой пигалицей, у которой... первой в роду... аж в неполные пять лет случайно обнаружился магический дар.

Род Торано тогда еще не являлся ни сильным, ни известным, но появление магически одаренного ребенка мгновенно вывело его из тени. Зная об этом, маленькая Арриола целых три года считала себя избранной. Ходила, задрав нос. Как данность воспринимала восторги родителей. Страшно гордилась собой и тем, что у нее открылся не просто дар, а редкая в то время способность проклинателя. И вот, когда ей исполнилось восемь, а Кариуру, соответственно, семнадцать... когда их дом навестил тогдашний ректор имперской магической академии, а юной колдунье в подробностях расписали возможные перспективы, включая службу у императора... Оказалось, что как раз тогда у ее тихого и молчаливого брата тоже открылся магический дар. Причем сложный, многогранный, на удивление мощный, на фоне которого способности Арриолы тут же поблекли, превратившись из настоящего чуда в его жалкое подобие.

Будучи старшим, Кариур гораздо раньше ее поступил в волшебную академию.

Участь прилежно, он неизменно радовал преподавателей своими успехами.

К концу обучения его дар окончательно сформировался, подарив миру воистину гениального колдуна. И это стало таким потрясением для уже возмнившей себя уникальной Арриолы, что выдающиеся способности брата стали вызывать у нее безотчетную зависть.

Ему удавалось абсолютно все. Целительство. Боевая магия. Даже в прорицании он сделал некоторые успехи. Его сила поражала. Его умения восхищали. Его имя было у всех на слуху, и даже гости, приходя в их дом, беспрестанно говорили только о Кариуре.

При этом Кариур никогда не ставил себя в пример сестре и мало обращал внимания на льющиеся со всех сторон похвалы. Все, что его интересовало, это наука. Он был очень скромнен. Начитан. Образован. Молчалив. Но отнюдь не застенчив.

И Арриолу это всегда раздражало.

Кариур то, Кариур сё... Родители носились с ним как с писаной торбой! А он этого словно не замечал! Ничего лично для себя не просил. Никогда не требовал. И довольствовался столь скромными запросами, что привыкшая к большому Арриола не только этого не понимала, но и злилась на брата все сильнее.

А ведь он мог стать великим! Мог поднять их семью и род на недостижимую для большинства смертных высоту! Но вместо этого выбрал скучную научную работу. Часами мог просиживать в библиотеке. Сутками не вылезал из лаборатории. И даже от предложения

императора отказался, наплевав на даруемые должностью при дворе привилегии и невероятную по местным меркам зарплату. А когда пришло время задуматься о продолжении рода, он, к удивлению и неподдельному огорчению родителей, выбрал себе в супруги не одну из наследниц родовитых и одаренных фамилий, а (кошмар и позор им всем!) какую-то безродную замухрышку!

После этого между братом с сестрой состоялась первая крупная ссора.

Кариур считал, что правильно женился по любви, тогда как Арриола полагала, что ради семьи и долга ему следовало отвести в храм гораздо более подходящую по статусу девушку. А если уж ему так запала в душу нищая дворянка, то пусть бы он навещал ее по-тихому, втайне от законной супруги. Так, как это делают все умные и дальновидные люди, которым хорошо знакомо, что такое долг.

Однако Кариур не захотел становиться «как все», поэтому отношения с семьей начали быстро ухудшаться. А после того, как у него родился сын, они испортились еще больше, потому что ни к пяти, ни к десяти годам у мальчика так и не открылись магические способности. А его мать, как нарочно, утратила способность к материнству и больше не могла подарить семье нормального наследника.

После этого мечты о полноценной династии Торано рассыпались, словно карточный домик.

Кариуру советовали не упрямяться. Предлагали оформить фиктивный развод и такой же фиктивный второй брак, чтобы ценная кровь не пропала впустую. Казалось, ну, что ему стоило пойти на уступки? Да хотя бы бастарда одаренного ради престарелых родителей зачал, и от него бы тут же отстали!

Однако он и этого не пожелал делать.

Быть верным любимой женщине Кариур посчитал важнее чужих амбиций. А сына, хоть и неодаренного, все равно любил, чем раздражал не только родителей, но и гораздо более ответственно относящуюся к семейным ценностям младшую сестренку.

Хотя, казалось бы, именно ей это должно было сыграть на руку. Нежелание брата бороться за звание лучшего открыло бы ей дорогу к славе. Однако законы наследования, дурацкие правила, не позволяющие женщинам прибирать к рукам семейное достояние при наличии живого наследника... Вернее, целых двух наследников мужского пола...

Сейчас, наверное, уже не узнать, в какой момент Арриола осознала, что ненавидит старшего брата. Стремясь всеми силами попасть на вершину, делая для этого все, что только возможно, она попросту не могла спокойно смотреть, как Кариур с легкостью отказывается от благ, ради которых она была готова на все. Арриоле оказалось непросто смириться с мыслью, что брат ее предал. Всю семью предал, весь род, променяв блестящее будущее на сомнительное удовольствие жить как простой смертный.

По этому поводу они в один из дней снова крупно поругались. И тогда, будучи на взводе, уже известная в то время столичная колдунья и не менее известная проклинательница впервые в жизни не сдержалась.

– Чтоб тебе счастья больше не видать! – крикнула она тогда в сердцах. – Чтоб ты сына взрослым не увидел!

И счастье из жизни Кариура действительно ушло. Буквально через месяц, когда смерть бесшумно спланировала на дом колдуна и забрала с собой его неодаренную супругу.

Конечно, о проклятии тогда не сразу подумали. Болезнь есть болезнь. У новоявленной леди Торано и впрямь было очень хрупкое здоровье. Да и Кариур, целиком погрузившись в

свое горе, долго не вспоминал о брошенных в запале словах. Однако рано или поздно любая боль утихает. Рано или поздно любому человеку захочется отвлечься. И вот в один из дней Кариуру не повезло оказаться на каком-то приеме и случайно услышать не предназначенный для его ушей разговор.

– Наконец-то он избавился от этой шлюхи! – сказала тогда сестра, разразившим злым и неприятным смехом. – Может, теперь он поумнеет и однажды скажет мне за это спасибо?

И вот тогда все встало на свои места. Тогда же Кариур в полной мере осознал, что проклят. Но в день, когда он в последний раз пришел увидаться с сестрой, та только пренебрежительно фыркнула.

– Это еще нужно доказать. Ни один камень правды тебе не поможет!

И это было так. Спонтанные проклятия обычно не несут прямого злого умысла, поэтому ни судьи, ни жрецы не усмотрят в действиях Арриолы чего-то противозаконного. А что касается всякого рода случайностей... Чем больше Кариур смотрел на сестру, тем больше убеждался: она знала. Прокляла, наверное, и впрямь случайно, но в отличие от него уже давно поняла, чьими усилиями он овдовел. Более того, искренне радовалась этому. И именно эту злую радость он никогда не смог бы простить.

Тогда он ушел. Молча. Не став ни обвинять ее, ни чего-то требовать. Заперся в лаборатории, с головой ушел в какие-то исследования. Оборвал все связи с семьей. Отослал к дальним родственникам подрастающего сына. А через несколько лет вдруг бесследно исчез. И вскоре после этого Арриола получила письмо, в котором брат сухо сообщал, что навсегда покидает империю. Но перед отъездом нашел способ снять с себя проклятие и сделал так, чтобы оно перекинулось на создателя.

«Если это была не ты, тебе не о чем волноваться, – с беспокойством прочитала тогда колдунья. – Но если ты с самого начала знала, на что меня обрекла, что ж... Значит, я правильно тебя наказал».

В тот самый день она долго не могла уснуть. Все ворочалась, сомневалась и мысленно спорила с упрямым-братом, упорно доказывая ему, что не виновата. Когда же наступило утро и она привычно под села к зеркалу, чтобы привести себя в порядок, то оказалось, что вместо молодой и красивой леди на нее в ужасе уставилась безобразная старуха.

«Ты потеряешь все, – в шоке перечитала Арриола попавшееся на глаза вчерашнее послание, в конце которого проступила короткая приписка. – Все, что тебе было дорого. Все, что делало тебя счастливой. В пределах этого дома твоя красота еще будет тебя радовать, но стоит только выйти за порог, как все это мгновенно улетучится. Самостоятельно снять проклятие ты не сможешь. Я об этом позаботился. А ключом к нему сделал артефакт, который забираю с собой. Прощай, Арриола. У тебя больше нет будущего. Ты уничтожила себя сама».

С тех пор прошло шестьдесят лет... целых шесть проклятых десятилетий, на протяжении которых она не знала покоя.

Кариур не обманул: Арриола действительно утратила все самое дорогое, что у нее когда-то было, – магический дар, на который возлагались большие надежды, талант проклинателя и, что самое страшное, красоту.

При этом, пока она находилась в доме, ее внешность оставалась совершенно обычной, и о проклятии ей могли поведать только зеркала. Но стоило выйти за порог, как проклятие проявлялось в полной мере, и тогда любой желающий мог взглянуть на постаревшую, обрюзгшую, жутковато изменившуюся колдунью, которую обреч на эти ужасные мучения ее

же собственный брат.

Разумеется, Арриола не сдалась, поэтому в первые несколько лет после предательства Кариура в ее особняке побывали все известные колдуны. Однако никто из них не смог ей помочь. Заключение магической комиссии было однозначным: полная утрата магического дара. А что касается внешнего вида, то единственным спасением Арриолы от позора стало самое обычное затворничество.

Удостоверившись, что за пределами особняка она превращается в жуткую уродину, Арриола вскоре перестала выходить на улицу, оборвала все связи, разбила все зеркала в доме, заперлась на тысячу замков и надолго погрузилась в отчаяние.

– Проклятая... проклятая... – шептались дети, украдкой пробегая мимо ее погруженного в траур дома.

– Видать, грешна была, раз богини отмерили ей такую кару, – со знанием дела добавляли старики.

Это бесило Арриолу еще больше и заставляло ненавидеть брата так, что, останься у нее хоть капля магии, Кариура должно было испепелить на месте.

Из-за него все ее планы рухнули, бывшие надежды осыпались прахом. И даже о магической практике ей пришлось забыть. Конечно, семья какое-то время ее поддерживала, да и старые знакомые, особенно мужчины, не оставляли своим вниманием. Со временем Арриола даже научилась извлекать из этих визитов пользу. Смогла наладить старые связи. Поддавшись на уговоры, занялась торговлей редкими артефактами. Нашла, можно сказать, отдушину. И вот после этого дела ее потихоньку пошли в гору.

Со временем о магической лавке не для всех узнала вся столица. Частично это реабилитировало несчастную узницу в глазах магического сообщества и помогло поправить финансы. Но собственная беспомощность и отсутствие свободы до сих пор доводили Арриолу до исступления.

Кариура она, само собой, искала. Долго, упорно, не скупясь оплачивая работу ищек и наемных убийц.

Поняв, что брат по-прежнему остается недостижимым, она даже вознамерилась отыгаться на племяннике. Однако незадолго до совершеннолетия у поганца все-таки открылся магический дар. Причем сильный, не хуже отцовского. Ну, а поскольку других наследников в роду не осталось... Арриолу проклятие брата, в довершение всего, сделало еще и бесплодной... Короче, тронуть мальчика она не рискнула. Зато добилась того, чтобы пацан рос под ее присмотром, в ее доме и под ее влиянием. И это хоть как-то примиряло ее с мыслями о его отце.

Еще одной хорошей новостью стало то, что оракулы все же сумели определить предмет, к которому хитрый колдун привязал свое проклятие. Вернее, метку, которую тот предмет должен был на себе иметь. Это оказалась та самая персональная метка, которой артефакторы клеймили все свои творения. Уникальный знак. Магическое клеймо. Так что, по идее, Арриоле мог подойти любой предмет из тех, что были зачарованы братом. Да только вот беда – старые артефакты из его лаборатории ей не подошли, хотя она сумела разыскать и выкупить их все. Все его метки на них угасли. А новых за столько лет он больше не создавал. Точнее, не продавал. Хотя верные Арриоле люди годами выслеживали их в надежде, что однажды Кариур все-таки не выдержит и как-то обозначит свое присутствие.

Увы. Кариур знал, что делал, когда уходил. И за несколько десятилетий едва ли два-три человека смогли вспомнить, что когда-то и где-то они действительно его видели.

Он исчез. Испарился. Забрался в какую-то берлогу и до самой смерти носа оттуда не казал, словно задавшись целью свести сестру с ума и не дать ей ни единого шанса избавиться от унижительного плена.

Когда же в один из дней старый семейный артефакт сообщил, что Кариур все-таки умер, у Арриолы опустились руки.

Смерть брата означала крах всех надежд. Обрекала нестарую еще колдунью на мучительное дожитие в стенах опостылевшего дома. Выйти на улицу она не могла. Даже ненадолго. Даже в плаще. Повисшее над ее головой проклятие неизменно срывало с ее лица все покровы, иллюзии и даже одежду.

Однако сегодня Арриоле улыбнулась удача. В лице невесть как попавшего в ее дом мальчишки. Если бы не артефакт на его груди и не интерес, который он проявил к защите, она бы и разговаривать с ним не стала. Но когда Арион (Кариур, на свое счастье, не знал, кто именно воспитывал его внука) сообщил, что странный мальчик безошибочно назвал его эртом, то отчаявшаяся леди все-таки заинтересовалась. А спустя какое-то время едва смогла сдержать нервную дрожь.

Это было невероятно!.. Немыслимо!.. Чтобы спустя двадцать лет после смерти Кариура нашелся человек, который хотя бы косвенно мог что-то знать. Мальчишка не лгал – это ей подсказал припрятанный в кармане камень правды. А когда сопляк неосторожно продемонстрировал флягу с той самой меткой, которой Арриола грезилась несколько десятилетий...

Вопреки ожиданиям Кариур не стал ее прятать и, помимо магии, продублировал свой персональный знак прямо на старой коже. Словно насмешка... как изощренное издевательство над бывшей эртой, которая теперь могла увидеть эту метку лишь слабым человеческим зрением.

Пожалуй, если бы не близость внука, она накинулась бы на разглагольствующего пацана прямо там, в гостиной, и вырвала бы из его слабых ручонек тот самый долгожданный артефакт, о котором даже внук ничего не знал.

Ее терпения хватило лишь на то, чтобы отвести от себя подозрения на случай, если пацана все же кто-то подослал. Изобразить сначала оскорбленную невинность, а затем грусть-печаль по без вести пропавшему брату. Она даже одинокую слезинку пустила, поняв, что ее лицедейство принято за чистую монету. Заодно осторожно расспросила мальчишку, усыпила его бдительность лживыми заверениями и убедилась, что тот не утаил в каком-нибудь тайнике еще один подобный артефакт.

Детали ее уже не интересовали. Ни сомнительные сведения о помощи, которую ушлиый братец якобы кому-то пообещал. Ни уловки, которыми пацан пытался скрыть имя человека, от которого ему стало известно о Кариуре...

К счастью, мальчишка ничего не заподозрил и даже согласился обменять свою старую фляжку на сущий пустяк, безделицу, хотя мог бы претендовать на несоизмеримо большее вознаграждение. Но когда он ушел, Арриола, так долго ожидавшая этого мига, вдруг снова преисполнилась подозрениями. А заодно и не на шутку испугалась, что мальчишка исчезнет как дым, унеся с собой долгожданную свободу. Или передумает. Заупрямится. Успеет найти замену или продаст метку какому-нибудь проходимцу...

После стольких лет поисков выдержка все-таки изменила бывшей колдунье. Поэтому, едва слуга вернулся и сообщил адрес, по которому доставил беспечного мальчишка, она поняла, что больше не может ждать. И решила вернуть похищенное братом сегодня же.

Сейчас. Пока никто и ничто были не в силах ей помешать.

* * *

Спустя четверть часа после нападения я стоял возле той самой лавки, где Нардис этим вечером так ничего и не купил, и рассеянно созерцал удивительно цельную защиту на доме леди Арриолы.

Насчет адреса я не сомневался – кроме нее, никто не заинтересовался моей флягой; ни один из магов, к которым мы заходили, даже не заикнулся о том, чтобы ее купить или на что-то обменять. Она никому не была нужна. И только леди изволила проявить неосторожность. Хотя, конечно, оставалось непонятным, зачем она поторопилась и решила не дожидаться утра.

К сожалению, те типы, чью кровь Нардису придется отмывать с пола до самого утра, не оставили возле нашего дома ни лошадей, ни экипажа, который домчал бы меня до элитного квартала столицы с комфортом. Да и Кость мне было бы сложно спрятать от любопытных. Собственно, мне даже свое собственное присутствие на улицах Дамана было бы сложно объяснить, особенно если бы не повезло нарваться на патруль. Но в положении существа, которого нельзя причислить ни к живым, ни к мертвым, имелись и положительные стороны.

Правда, до встречи с Кариуром я не придавал этому особого значения, а свои хаотичные передвижения по миру долгое время объяснял другими причинами. Но когда в один из дней я прямо на глазах колдуна случайно переместился в пространстве, это дало нам новую пищу для размышлений. А заодно побудило начать очередной виток экспериментов.

Способность открывать спонтанные порталы всегда считалась делом нежити. Причем очень старой, могущественной, а точнее, высшей нежити, да еще и тесно связанной с такой же древней и могущественной скверной, в пределах которой резко ослаблялись связи между мирами.

Раньше магическое сообщество считало, что такими порталами нельзя управлять. И даже сейчас большинство ученых называли их опасной аномалией. Однако мне удалось опровергнуть это утверждение, хотя ни я сам, ни Кариур так и не поняли, почему это произошло.

Перемещения, правда, могли быть абсолютно случайными. Думаю, именно так я в свое время перемещался по людским землям, а заодно уходил от погонь, избегал ненужных встреч и, оставаясь абсолютно безумным, даже не порывался остановиться. Однако, как выяснилось, я все-таки был способен это контролировать и при желании мог попасть в любое место, где когда-либо побывал.

Вот и сегодня я решил не тратить время на пешую прогулку по городу. Портал – это и быстрее, и проще. Однако, поскольку Нардис еще не был готов к такой правде, ушел я из дома все-таки пешком. И уже за углом, в темном переулке, аккуратно порезал себе руку и удовлетворенно кивнул, увидев, как скукоживается и рвется в этом месте воздух, а затем с неохотой, но все же открывает для меня узкую пространственную щель.

Единственное ограничение, которое я не мог обойти при создании порталов, это то, что щель могла пропустить только меня. Ни Кариура, ни моих мертвых слуг... Только меня и то, что я нес в руках. Вы, наверное, скажете, что этого недостаточно, да и вообще такие порталы не слишком-то удобны, однако с учетом моих возможностей и того веса, который я мог

поднять, это был вполне приемлемый способ передвижения.

Защита на особняке меня не остановила – на неживое и одновременно немертвое традиционная магия, которая требовала конкретной точки приложения, попросту не срабатывала. Поэтому мне не составило труда войти, с удобством разместиться в гостиной и, протянув руку к стоящему на столе золотому колокольчику, нагло в него позвонить.

Замеченный мною с улицы свет в одном из окон третьего этажа недвусмысленно намекал, что даже в столь поздний час мне не грозит испортить сон хозяйке этого дома. И я ничуть не удивился, заслышав в коридоре торопливый стук каблуков, после чего в гостиную почти вбежала растрепанная, одетая в простое домашнее платье и не на шутку взбудораженная женщина, у которой при виде меня из груди вырвался изумленный вздох.

– Ты-ы?!

Я вместо ответа молча поставил на стол зловеще скалящийся череп бьерна. Однако леди была настолько ошарашена видом моей пижамы и пушистых тапочек, что не сразу отреагировала. Стоящий в углу, скрученный из домашнего халата куль с костями она тем более не заметила. Однако когда до нее дошло, что происходит нечто неправильное, дамочка все же взяла себя в руки, нацепила на лицо надменное выражение и совсем другим тоном осведомилась:

– Что вам угодно? И по какой причине вы без спроса ворвались в мой дом?

Хм. То есть сам факт того, что я вообще сумел это сделать, ее не интересует?

– У меня появился вопрос, – невозмутимо сообщил я, поудобнее устраиваясь в кресле. – Хочу понять, что такого важного есть в моей фляге, раз столь представительная леди решила на откровенный грабеж?

На лице дамочки не дрогнул ни один мускул.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Полагаю, три трупа в вашем палисаднике помогут вспомнить, какой именно приказ вы отдали несколько часов назад, – вежливо отозвался я. – Целостность тел я, правда, не гарантирую, но думаю, своих людей в лицо вы узнаете. И заодно потрудитесь ответить на мой вопрос.

Леди Арриола слегка побледнела и все-таки не сдержалась:

– Ах ты ж, недоносок!.. Убирайся! Я не собираюсь ничего тебе объяснять!

– Я почему-то так и подумал, – кивнул я, после чего поднялся из кресла, сделал шаг вперед.

Но вместо того чтобы оказаться с леди лицом к лицу, создал еще один портал и вышел прямо у нее за спиной. А пока леди хватала ртом воздух от удивления, аккуратно воткнул в ее шею иглу, смазанную одним интересным ядом. После чего дамочка вздрогнула всем телом и застыла, как истукан, ее глаза остекленели, руки безвольно повисли. А я спокойно вернулся обратно в кресло, положил на колени злорадно ухмыляющийся череп и, выждав для верности несколько минут, принялся задавать вопросы.

Меньше чем через час я выяснил все, что меня интересовало. А когда стало понятно, что именно связывало старую флягу Кариура и покорно отвечающую на мои вопросы женщину, я и вовсе потерял к Арриоле интерес.

В принципе дальше можно было и не возиться. Дальнейшая судьба Арриолы меня не волновала. Однако в рассказе нечистой на руку колдуньи кое-что показалось мне странным, поэтому, оставив ее стоять посреди гостиной, я без помех прогулялся по дому. Еще разок присмотрелся к защите. Посетил двор. Прошелся вдоль забора. Не поленился даже выйти на

улицу, заинтересовавшись рисунком бульжников на широкой мостовой. После чего спокойно вернулся в дом, уселся на прежнее место и ненадолго задумался.

Кариур, как я уже сказал, не любил рассказывать о прошлом, однако ему не было смысла лгать, говоря об основах магического искусства, в том числе и касательно проклятий. Поскольку меня эта проблема тоже касалась, то мы довольно часто беседовали на данную тему. И из того, что я выяснил, было очевидно, что ни одно проклятие, тем более случайное, нельзя ни отменить, ни тем более перекинуть на кого-то еще. Сгладить его последствия, уменьшить его проявления – да, при определенных условиях такое действительно возможно, иначе Кариур не сумел бы мне помочь. Но о таком, чтобы кому-то его передать, он ни разу за пятьдесят лет не упоминал.

Но если предположить, что все это время он был со мной честен – а причин лгать у него действительно не было, – то получалось, что Кариур обманул не меня, а собственную сестру. Но как он сумел это проверить? Каким образом ему удалось убедить Арриолу, что та действительно проклята? И почему в этот обман поверила не только она, но и, что гораздо важнее, остальное магическое сообщество?

Ответ на этот вопрос показался мне достаточно важным, поэтому я, задав леди еще несколько вопросов, все-таки не ушел, а снова погрузился в размышления.

Допустим, Арриола не была такой же искусной колдуньей, как ее старший брат. Ее способность проклинателя хоть и довольно редка, но все же достаточно узконаправленна, да еще и плохо изучена к тому же. А значит, чисто теоретически, обмануть леди было можно. Скажем, с помощью качественной иллюзии, от которой оставшаяся без магии колдунья не только не смогла бы избавиться самостоятельно, но и обнаружить ее была не в состоянии.

Вопрос в другом: как Кариур сумел заблокировать сестре магический дар? Магия – не горшок с кашей. Ее нельзя просто взять и накрыть крышкой. Она, как вода в лесном роднике, будет постоянно копиться и рано или поздно вырвется наружу.

Шестьдесят лет – немалый срок. Ни одно заклятие без подпитки столько времени не проживет. И если Кариуру не помогал кто-то еще, регулярно бывающий в этом доме и незаметно обновляющий заклинание, то осуществить такой грандиозный обман ему бы не удалось.

Поехали дальше.

Защита на доме явно старая, да еще и построенная по таким же устаревшим принципам. При этом на удивление сильная, надежная и настолько сложная, что, не зная, что почем, даже очень толковому колдуну было бы непросто в ней разобраться.

Скажите-ка: много ли колдунов способны создать и потом много лет поддерживать такую сложную конструкцию?

В то же время у этой мощной, безупречной с виду защиты имелось немало сомнительных мест. То тут, то там связи между заклинаниями выглядели непрочными, ослабленными. Вокруг них и вчера, и сегодня клубились остатки рассеивающейся магии. Изнутри это было невозможно заметить. Да и снаружи, чтобы отыскать подвох, следовало хорошенько постараться. Но я не настолько самоуверен, чтобы считать, что за столько лет никто, кроме меня, этого не заметил.

Однако самое любопытное заключалось в том, что защита, даже будучи неполноценной, продолжала исправно функционировать, причем годами, десятилетиями, что противоречило не только здравому смыслу, но и всем законам природы.

Магическая структура – это условно независимое образование, способное существовать

даже после смерти создавшего ее мага или колдуна, но при этом нуждающаяся в постоянной подпитке. Проблема рассеивания, как вы понимаете, занимала умы ученых и сто, и тысячу лет назад. Но, насколько мне известно, пока никто не сумел решить ее до конца.

Возникает вопрос: откуда же тогда защита, имея в своей структуре столько брешей – а я навскидку насчитал их не менее сорока, – берет заряд, чтобы продолжать работать? В доме нет мощных магических источников. В подвале и на крыше не имелось сколько бы то ни было значимых магических возмущений. Поверить в то, что кто-то из друзей Кариура регулярно сюда приходил и обновлял ее, не вызвав подозрений у хозяйки, было сложно. Но защита действительно работала и, судя по всему, не собиралась издыхать.

Когда я обдумал все эти нестыковки, то был вынужден задать леди Арриоле еще один немаловажный вопрос:

– Скажите, сударыня, кто ставил защиту на вашем доме?

– Брат, – безжизненным голосом отозвалась колдунья.

– А какие отношения у вас были, когда он это делал?

– Нормальные.

– То есть тогда он просто хотел вам помочь, раз уж особенности вашего дара не позволяли вам сделать это самостоятельно?

Когда дамочка снова подтвердила мое предположение, я откинулся на спинку кресла и, рассеянно поглаживая череп, еще раз прокрутил в голове все известные факты по этому делу. Но довольно быстро пришел к единственно верному выводу, после чего домыслить все остальное было уже нетрудно.

Думаю, не ошибусь, если предположу, что, узнав правду о смерти жены, Кариур испытал массу противоречивых эмоций. Доказать участие Арриолы в этом деле он не мог. Тем более если и сам подозревал, что проклятие сорвалось с ее языка случайно. Однако ее последующее поведение, то пренебрежение и откровенное злорадство по поводу смерти бесконечно дорогого ему человека не могли остаться безнаказанными. И Кариур, будучи не в силах простить такое предательство, придумал для сестры достойное наказание.

Скорее всего, идея насчет возвращенного проклятия пришла ему в голову случайно. Наверняка, потратив долгие месяцы на поиски доказательств и изучив всю информацию о проклятийниках, он попросту не нашел, как снять проклятие сестры с себя и с взрослеющего сына. Вернее, он испугался, что оно перекинется на сына, поэтому-то в итоге и уехал из Дамана. Но в какой-то момент ему, наверное, подумалось, что было бы справедливо, если бы Арриола пережила все то же, что по ее вине пришлось пережить ему. И из этой мысли впоследствии родился воистину гениальный план...

Хорошая месть – это всегда холодная месть, тщательно продуманная и рассчитанная на то, чтобы ударить как можно больнее. А для Арриолы, превыше всего ценившей себя саму, именно дар и красота имели первостепенное значение.

Будучи создателем магической защиты на ее доме, Кариур с легкостью ее видоизменил, незаметно для остальных встроив туда дополнительные элементы.

Насчет красоты он, скорее всего, решил не мудрить и просто повесил качественную иллюзию на все зеркала в доме. Эффект неожиданности, помноженный на глубокое потрясение от созерцания собственного уродства, помогли Арриоле поверить, что проклятие действительно существует. Эту же мысль донес до нее внезапно заблокированный дар, так что если уж Кариур исполнил одно обещание, то было бы логично поверить, что и все остальное тоже являлось правдой.

И Арриола поверила. Прекрасно зная, что умнице-брату по плечу даже очень сложные задачи, она действительно поверила, что он нашел способ перебросить на нее ее же собственное проклятие. Лгуном он никогда не был. Пустых обещаний тем более не давал. Но даже с учетом этого сразу потерять надежду она не могла. И, скорее всего, расколошматив все зеркала в доме, через некоторое время наверняка предприняла попытку выйти из дома. Прикрыв лицо. Осторожно. Тайком. Быть может, даже ночью и не одна, чтобы быть точно уверенной, что проклятие существует.

Это был очевидный шаг, который Кариур не мог не предусмотреть. Наверное, именно поэтому на мостовой перед домом я углядел следы от тщательно замаскированных, частично стершихся от времени и уже давно не работающих магических знаков. И предположил, что на самом деле иллюзия поддерживалась не только на зеркалах, но и на некотором удалении от дома.

Добавленные к ней стихийные (тоже уже неактивные) заклинания, вероятно, были направлены на то, чтобы вне дома, в том числе во дворе и возле калитки, в Арриолу тут же ударял порыв ветра, ей в лицо бросало сухие листья, срывало накидки, капюшоны и покрывала. Ну, знаете, типа пересек некую черту и тут же получил порыв ветра в лицо. При этом старательно поддерживаемая иллюзия тут же оказывалась на всеобщем обозрении, что убедило Арриолу в правдивости обещаний брата и вынудило сбежать обратно в дом, за стенами которого она не чувствовала себя уродиной.

Крайне болезненно восприняв тот факт, что ее, умницу и красавицу, люди теперь воспринимают как жуткое страшилище, испугавшись насмешек соседей и не получив помощи от коллег, оставшаяся без магии колдуныя, раз-другой-третий безуспешно попытавшись выбраться на улицу и каждый раз столкнувшись с непонятным природным явлением, в итоге решила не рисковать.

Конечно, в центре столицы, да еще и на оживленной улице, знаки на камнях не могли сохранять заряд слишком долго. С годами они истерлись, линии постепенно размылись, поэтому сейчас от них осталось одно название. Да и не мог Кариур снабдить ими всю улицу. Поэтому знаки я увидел только на расстоянии пятнадцати шагов от дома в обе стороны. Но в свое время у Арриолы не хватило воли преодолеть эти несколько шагов, чтобы выйти из-под действия заклинания. А потом она уверилась в наличии проклятия и попросту прекратила попытки обрести свободу.

Насчет коллег, полагаю, тоже все решилось просто. Кариур по молодости был не просто искусным, но еще и очень известным колдуном. Наверняка у него имелось много друзей, знакомых, просто сочувствующих. Как раз среди тех самых опытных, наиболее известных и талантливых столичных мэтров, которых Арриола потом не раз приглашала к себе домой.

Логично предположить, что перед уходом несчастный вдовец попросил этих людей не разубеждать самоуверенную сестрицу в том, что ее прокляли. А когда они узнали, почему он так поступил, то, готов поклясться, никто ему не отказал. Впрочем, даже если бы кто-то и рискнул ему отказать или же Кариур посвятил в эту тайну далеко не всех, то, имея поддержку большинства, редких отщепенцев можно было купить, оказать им услугу, попросту шантажировать или же иным способом убедить не вмешиваться. Не зря же он два года на это потратил. И очень не зря Арриолу до сих пор никто не взялся просветить.

Хотя, скорее всего, после первых лет суеты и попыток все исправить страсти постепенно улеглись. Арриола перестала выходить из дома. В сотый и тысячный раз услышав от маститых колдунов, что помочь тут ничем нельзя, она не то чтобы сдалась, но в

какой-то мере смирилась. И несколько последующих десятилетий провела в добровольном затворничестве, ненавидя и проклиная брата на все лады.

Правда, по поводу способа, с помощью которого Кариур оставил ее без магии, я думал довольно долго. На первый взгляд это казалось неосуществимым. Сделать что-то подобное незаметно от самой Арриолы он бы точно не смог.

И только вспомнив структуру защитных заклинаний на доме, сообразив, что так называемые слабые места располагались упорядоченно и строго в ключевых точках, связав с ними наличие иллюзий и прочих явлений, которым требовалась подпитка, но для которых я не нашел подходящего источника, я все же пришел к выводу, что способ есть. А источник на самом деле все это время находился в доме. Причем являлась им сама леди Арриола, из которой усилиями брата годами вытягивалась магическая энергия, тем самым ослабляя и иссушая ее магический дар.

Как уж Кариур это провернул, точно не скажу – я все-таки не колдун. Но, скорее всего, он нашел способ превратить защитную сеть в этакого невидимого прожорливого паразита. Забирая магию у Арриолы, сеть затем направляла ее на реализацию того самого проклятия, причин которого никто не понимал. В том числе на создание иллюзий, на поддержание заряда в камнях на мостовой... А невостребованные остатки аккуратно сцеживала наружу и рассеивала в пространстве через так называемые слабые места. Причем все это происходило настолько тихо и незаметно, что совсем не привлекало внимания посторонних.

Собственно, если бы я досконально не знал Кариура и не видел, какие техники он использует при работе с заклинаниями, я бы тоже этого не понял. Вернее, я и сейчас не мог быть полностью в этом уверенным. Но думаю, что все-таки правильно разгадал его замысел, и теперь могу с уверенностью сказать: наказание для Арриолы и впрямь получилось достойным.

Всего одним ударом Кариур уничтожил ее самооценку, напугал до полусмерти, забрал у нее магию и переплел свои заклинания так, чтобы одно проклятие служило пищей для другого. Отнятая у Арриолы магия поддерживала иллюзию. Иллюзия, в свою очередь, не выпускала колдунью из дома. Оставаясь пленницей в собственном особняке, она упорно не могла восстановить магический резерв. А без него было невозможно подвергнуть сомнению заключение приглашенных специалистов. Поэтому Арриола годами страдала и продолжала жить в опустылевшем доме, даже не подозревая, что на самом деле для спасения ей просто следовало отойти от него подальше.

Это было великолепное решение. Расчетливая, жестокая, но на редкость красивая месть, которая пробудила в моей душе нечто, смутно похожее на восхищение.

Это правда, старик. Ты смог меня удивить. А твоя сестра не только понесла заслуженное наказание, но, как ты и предсказывал, уничтожила себя своими же руками.

– Что это? – хмуро осведомился Нардис, прошлепав босыми ногами следом за мной на кухню и поставив в угол мокрое ведро вместе со шваброй.

Я покосился на чисто вымытый пол, а затем – на лежащую на столе флягу. Сравнительно небольшую, пузатую, абсолютно ничем не украшенную, но разбавляющую стусившийся в помещении сумрак мягким серебристым блеском.

– Это – моя компенсация за причиненные неудобства.

– Ты нашел заказчика? – полуутвердительно спросил парень.

– Да. И убедил его больше нас не тревожить.

Нардис скептически хмыкнул, после чего подошел ближе, изучил размеры компенсации и кивнул.

– Серебро?

– Причем непростое, храмовое. Оно гораздо легче обычного, довольно прочное и почти не поддается воздействию темных артефактов.

– Тоже зачарованное?

– Само собой. Правда, обычная магия на него тоже воздействует слабо, поэтому тут использовано всего одно заклинание, позволяющее хранить внутри всего один состав... Тот, что будет налит туда первым. Но мне оно подходит идеально.

Нардис присвистнул.

– Занятная штука. Не поддающаяся магии, но при этом все равно каким-то чудом замагиченная... Интересно, сколько народу тебе пришлось убить, чтобы ее заполучить?

– Трех, – невозмутимо ответил я, доставая старую флягу и откручивая крышку. – Тех самых, что испачкали нам пол в прихожей. Само собой, заказчик был не рад, когда я их вернул, но выбора у него не осталось.

Это правда. Яд, который я использовал на Арриоле, на время делал человека покорным, безынициативным, но при этом легко внушаемым. Поэтому леди не только охотно мне все рассказала, но по первой же просьбе раскрыла свои кладовые и позволила осмотреть свозимый туда со всей империи товар. Артефактов там оказалось много, один другого дороже, но мне приглянулся только этот. Я посчитал, что после всего случившегося имею полное право забрать нужную мне вещь, поэтому спокойно покинул дом, предварительно убедив его владелицу навсегда забыть о моем существовании.

Поразмыслив, я решил, что нет резона делиться с ней своими догадками. Если Арриола узнает правду, то полагаю, ее бешенство будет столь велико, что она (если не сойдет с ума от ярости, конечно) с высокой долей вероятности надумает отыграться не только на мне, но и на детях брата. А мне бы не хотелось потом хоронить посланных ею убийц. Да и Кариур, я думаю, огорчился бы, если б узнал, что из-за этой дуры его славный род угас. Поэтому я не стал ничего пояснять и просто ушел, а Арриола пускай и дальше сидит взаперти. Полагаю, от этого всем будет только спокойнее.

Что же касается трупов, то их действительно было только три. Вероятно, леди не хотела ставить никого в известность, что по ночам в ее гостиной бывают воры и душегубы, поэтому охранников заранее отослала прочь. Что же касается идиотов, которые испортили мне новую пижаму, то я подумал, что будет лучше, если их следов не останется вовсе, поэтому на обратном пути забрал тела из палисадника и порталом закинул в те самые трущобы, где мы

недавно охотились.

– Извини, – вдруг ни с того ни с сего буркнул Нардис, заставив меня озадаченно обернуться.

– За что?

– Я был не прав сегодня.

Я принялся аккуратно сливать кровь из старой фляги в новую.

– Что же привело тебя к такому выводу?

– Да я... – Нардис вдруг взерошил волосы на макушке, а потом с досадой махнул рукой. – Саан, все так сложно! Но ты настолько похож на обычного пацана, что иногда я забываю, что на самом деле ты...

– Не человек?

– Не знаю, – признался парень. – Из-за проклятия ты выглядишь совсем не так, как должен в свои годы. При этом ты не ешь. Не спишь. Почти не дышишь... В общем, я зря на тебя накричал. Прости. Это больше не повторится.

Я кивнул и, выкинув пустую флягу, так же аккуратно завинтил крышку на подарке Арриолы.

– Забывчивость – одно из свойств человеческой природы. Но сам факт того, что ты начал сомневаться, меня, можно сказать, радует.

– Почему?

– Потому что это означает, что я на правильном пути. Если у меня получается достоверно изображать эмоции, то рано или поздно они, наверное, вернуться.

Нардис вдруг вскинул голову и пристально на меня взглянул:

– Скажи, каково это – ничего не чувствовать? Жить, не ощущая вкуса самой жизни? Говорить только то, что думаешь. Не врать. Не бояться. Не переживать по пустякам.

Я повесил флягу обратно на пояс.

– Удобно. Просто. Понятно.

– Тогда зачем ты пытаешься вернуться к себе прежнему?

– Затем, что хочу понять, кто я. И почему стал таким, как сейчас.

– А у тебя хоть какие-то подвижки есть? – недоверчиво спросил мой компаньон. – Ну, за то время, что мы знакомы? Ты хотя бы иногда ощущаешь себя живым?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты так хорошо научился нам подражать, что я уже не понимаю, где ты искренен, а где твоя улыбка означает лишь то, что ты пытаешься вести себя как положено в обществе.

Я пожал плечами.

После смерти Кариура я не стал спешить и не сунулся к людям сразу. Сначала наблюдал за ними издали. Ходил от деревни к деревне. Присматривался. Прислушивался. Изучал. Делал выводы. Затем приобрел компаньона, ставшего для меня отличным наглядным пособием. И только убедившись, что научился достоверно ему подражать, решил приступить к следующей фазе плана.

– Вильгельм? – настороженно переспросил Нардис, когда не услышал ответа.

Я встряхнулся.

– Не все так плохо. К примеру, я уже знаю, что такое сомнение, неудовольствие и досада.

– Только это?

– Отрицательные эмоции почему-то вспоминаются легче, – был вынужден признать я. – Но мне также знакомо и ощущение удовлетворения. Какая-никакая, но все-таки радость.

Порой мне даже бывает забавно. Интересно. Однако в остальном я пока не уверен.

– Раньше тоже так было?

– Раньше я мог спокойно препарировать человека, чтобы узнать, как он устроен внутри. А сейчас меня раздражают чужие крики, поэтому если вдруг снова придется это делать, то я предпочел бы сперва заклеить испытуемому рот.

– Эм. И много ты... препарировал? – странным голосом уточил мой помощник.

– Достаточно, чтобы знать, как, куда и с какой силой нужно ударить, чтобы обездвигнуть, искалечить или мгновенно убить любое живое существо.

– А... Ну... А неживое?

– И неживое тоже.

Нардис возрился на меня с откровенным недоверием:

– То есть ты и с нежитью не боишься экспериментировать?

– Я вообще ничего не боюсь, – напомнил ему я. – Не научился еще. Но в какой-то мере понимаю причину твоей сегодняшней вспышки, поэтому зла не держу.

– Ты не умеешь злиться, – не преминул напомнить этот упрямец. – И ярость тебе неведома. И обида. И вообще, я столько времени пытаюсь тебя достать, что уже становится неприличным с твоей стороны никак на это не реагировать!

Я изучающе на него посмотрел:

– Зачем ты пытаешься меня достать?

– Как зачем? – изумился Нардис. – Ты же сам сказал, что для снятия проклятия тебе нужно научиться чувствовать! Ну, вот я и учу! Правда, пока безуспешно.

– Так ты что, эксперименты на мне ставишь?

– А то, – осклабился этот поганец, мелкими шажками отступая к выходу. – Ты ведь на мне ставишь, не стесняешься. Чем я хуже? Да и кто, кроме меня, тебе поможет? Вот я и стараюсь. Изю всех своих невеликих сил. Надеюсь, ты оценил?

– А ну, стоять! – скомандовал я, одновременно пытаюсь понять, что за эмоцию ненароком разбудил во мне этот балбес.

Но Нардис, как чуял неладное, стрелой выскочил в коридор и уже по пути на второй этаж радостно прокричал:

– Прости, не расслышал, что ты сказал!

То есть он не только нагло врет, но еще и издевается?

Я пнул стоящий под столом мешок с костями.

– Проснись!

А когда с пола поднялась целехонькая и радостно скалящаяся гончая, так же коротко велел ей:

– Фас.

Раздавшиеся вскоре негодующие крики, перемежаемые сочными ругательствами и проклятиями в мой адрес, я проигнорировал. А вот неожиданно проклюнувшуюся эмоцию, напротив, постарался сохранить и как можно внимательнее рассмотреть.

Это была не обида, не досада, определенно не злость, а что-то вроде раздражения... Но немного не такое, как раньше. Вернее, не так. Раздражение все-таки присутствовало, однако оно было не само по себе, а словно бы с какой-то примесью. Частичка удивления. Частичка недоумения. Недоверия. И, наверное, сла-абенькой такой благодарности. Все же я не приказывал Нардису меня тормозить. Только поделился фактами. А он хоть и поганец, но все же поганец полезный. Вон на сколько эмоций меня сегодня раскрутил.

– Отстань, псина костлявая! – вырвал меня из раздумий истошный вопль со второго этажа. – Живым не дамся!

И следом – грохот от упавшего на пол горшка. Почти сразу там же раздалось бодрое клцанье костей. Шум торопливо сдвигаемой мебели. Не менее торопливый топот, как если бы кто-то спасался от неутомимой Кости позорным бегством. Еще один вопль, только уже с обещанием обезглавить гончую особо зверским способом. Звонкий щелчок челюстей. Новый грохот опрокидываемых стульев и, судя по звуку, одного из комодов. После чего до меня донеслось пронзительное:

– У-у-уй!

Следом:

– Не смей лишать меня достоинства, тварюга окаянная!

И, наконец, совсем уж жалобное:

– Вильге-э-эльм, отзови свое чудовище! Честное слово, я все понял и больше не бу-уду-у!

Прикинув степень разрушений, которые могли учинить эти двое в процессе погони, я решил, что сохранность дома дороже, и мысленно скомандовал Кости:

«Спи!»

Наверху послушно бряцнули кости, куда-то со стуком укатился тяжелый череп. А еще через пару минут на лестнице слышались осторожные шаги, после чего на кухню заглянул отчаянно потирающий ягодицу, но отнюдь не присмиривший Нардис.

– Ну, что, эксперимент можно назвать удачным? Ты что-нибудь новое ощущаешь или же мой бедный зад пострадал зазря?

– Иди-ка ты... в лавку, – вежливо послал я его. – За продуктами.

– Какая лавка? – удивился Нардис. – Еще же даже не рассвело!

Тьфу. Не сообразил, что на улице темно, а людям по какому-то недоразумению приходится регулярно спать. А еще есть. Отдыхать. Ходить в уборную. И вообще, они тратили слишком много времени на всякую ерунду.

– Тогда иди спать, – поморщился я. – А утром в лавку. За едой для тебя и за пижамой для меня, потому что эта уже никуда не годится.

– А вот и не пойду! У нас денег нету! – радостно сообщил мне помощник, скалясь не хуже, чем недавно Кость.

Я замер.

– Как это нету?

– А вот так. Мы вчера почти все на зелья спустили, поэтому на пижаму точно не хватит!

Так. А вот это уже нехорошо.

Деньги – та самая вещь, ради обладания которой люди готовы были на все. На медные, золотые и серебряные монеты они постоянно что-то покупали, меняли, начиная с продуктов и заканчивая дворцами. А еще деньги нередко ценились смертными гораздо больше свободы или жизни, поэтому из-за них частенько грабили и убивали. Наконец, они имели скверное свойство заканчиваться, поэтому их запас постоянно требовалось где-то пополнять.

Откуда они берутся у простых людей, я, правда, не вникал, но в моем положении источником денег являлись другие люди. В том числе мертвые люди, у которых, кто бы что ни говорил, всегда можно было чем-нибудь поживиться.

– Что может быть хуже кладбища? Только городское подземелье, – проворчал Нардис, сердито шлепая по вонючим лужам. – Ты вообще в курсе, сколько тут всякой заразы водится? И почему нельзя было сделать это утром?! Всего-то ничего осталось подождать!

Я быстро покосился по сторонам, но шаг не замедлил. И не стал напоминать, что с рассветом мои сила, скорость, реакция и даже мысленная активность резко упадут. К тому же спать мне было не нужно. Нардис тоже теперь вряд ли уснет. Ну, так и зачем тратить время, если еще несколько часов в Дамане будет достаточно темно, чтобы спокойно навестить местное захоронение?

Прелесть подземелий заключалась именно в том, что они позволяли незаметно попасть почти в любую точку столицы. Говорят, когда империи еще не существовало, Даман был не в пример меньше, чем сейчас, а дома по большей части строили из дерева, то на город частенько нападали. И чтобы не потерять все добро в огне, горожане не поленились создать многочисленные подземные убежища, куда запросто можно было попасть из подвала любого приличного дома.

С годами под городом образовался настоящий лабиринт. Потом его, конечно, забросили. Укрепленные камнем стены частично разрушились. Многие проходы завалило. Какие-то, напротив, были перекрыты умышленно. Само собой, со временем это место облюбовали преступники, бездомные, городские сумасшедшие, но на них мне как раз было, как выражаются люди, плевать. Главное, что тут не болталось ни любопытных, ни патрулей. Ну, а редкие облавы можно было засечь задолго до того, как имперские ищейки нападут на наш след.

– Тьфу на тебя. Отстань, – раздраженно буркнул Нардис, когда ему в бок ткнулась зубастая черепушка. – Тебя еще не хватало!

Кость с довольной ухмылкой пробежала дальше, а потом принялась вовсю резвиться в тоннеле, с азартом прыгая по лужам и зубами пытаясь поймать взлетающие в воздух водяные капли. Грязь и вонь ей ничуть не мешали – на зачарованных костях все равно не оставалось ни пятнышка. Зато брызги от ее прыжков взлетали до небес и по закону подлости так и норовили осесть на плаще Нардиса.

Плюх! Плюх! Плюх!..

– Вот зараза, – ругнулся он, когда костлявая псина в очередной раз промчалась мимо, облив его водой из большущей лужи. – Она что, специально?!

Плюх!

– Саан тебя задери! Хватит меня пачкать!

Клац!

Острые зубы шелкнули прямо за спиной парня, после чего его снова окатило с головы до ног, и Нардис все-таки взмолился:

– Вильгельм, да усыпи ты ее, наконец! Она ж когтями клацает по полу так, что с другого конца города слышно!

– Здесь нет посторонних, – ровно отозвался я, размышляя, не слишком ли активным сделал имитирующее заклинание.

Хотя насчет шума Нардис был, пожалуй, прав – в каменном тоннеле гуляло довольно громкое эхо, поэтому гончей стоило соблюдать осторожность.

Кость, получив приказ, действительно стала перемещаться тише. Только теперь вместо луж она заинтересовалась разбегающимися во все стороны крысами. И если раньше она с разбегу прыгала в воду, то теперь принялась охотиться на грызунов и, прицелившись, давила

их тяжелыми лапами.

Чавк! Чавк! Плюх!

– Фу! – скривился Нардис, когда неподалеку от него образовались сразу три кровавые лужи.

Чавк! Чавк! Чавк!..

Еще три крысы с придушенным писком обратились в фарш, а вошедшая в раж гончая принялась лихо гоняться за оставшимися. Крыс, правда, нашлось не так уж много – большая часть все-таки сообразила удрать куда подальше. Но тех, у кого мозгов не хватило забиться в щели, Кость с удовольствием начала преследовать, так что, даже когда она скрылась за поворотом, оттуда довольно долго раздавались характерные чавкающие звуки.

А потом все неожиданно стихло.

Нардис облегченно перевел дух. Я, напротив, насторожился. Но когда мы, благоразумно обходя оставшиеся на полу кровавые ошметки, добрались до гончей, то обнаружили, что она отыскала себе новую забаву. И в этот самый момент шустро рылась в гниющей под стеной куче, откуда вскоре добыла громадную кость.

И ладно бы, если бы псина просто ее разгрызла или бросила, где нашла. Но нет. Имитирующее заклинание требовало от нее конкретных действий, поэтому добычу гончая не бросила, не сломала. А вместо этого принесла мне и с гордым видом продемонстрировала, словно самая обычная собака, ожидающая честно заслуженной похвалы.

Мда.

Забрав у нее пожелтевшую от времени берцовую кость – судя по размерам, коровью, а не человеческую, – я без затей зашвырнул ее в первое попавшееся ответвление.

Псина от этого простого поступка чуть не взвыла от радости. По крайней мере, именно так я расценил ее гулко клацнувшие челюсти и целую череду высоких прыжков, выражающих крайнюю степень нетерпения. Когда же костяшка улетела далеко во тьму – а бросил я далеко, от души, – зверюга, прочертив когтями глубокие борозды в полу, резво развернулась и со всех лап понеслась за добычей, по пути не забывая давить не успевших спрятаться крыс.

– Жуткое зрелище, – вполголоса заметил Нардис, когда костяная псина, вильнув лысым хвостом, скрылась в темноте. – Если увидишь такую ночью, точно обгадаешься со страху.

– А-а-а-а-а! – как по заказу, донеслось из глубины того тоннеля, куда умчалась Кость. – Нарук, беги!

– Что за-а-ау-у!..

Клац! Бульк! Чавк!

Два одновременно прозвучавших вопля тут же оборвались, а мы с Нардисом быстро переглянулись.

Кто это болтается по подземным тоннелям посреди ночи? Воры? Убийцы? Контрабандисты? Или здесь в кои-то веки что-то понадобилось городскому патрулю?

Спустя несколько секунд из темноты снова раздался дробный цокот когтей.

– По-моему, твоя псина принесла что-то не то, – дрогнувшим голосом заметил Нардис, когда рядом с ним нарисовался громадный собачий скелет, сжимающий в зубах окровавленный мужской ботинок.

Я с сомнением оглядел добычу питомицы.

Ботинок обычный, старый, разношенный и явно не казенный – местные вояки предпочитают носить сапоги. Значит, не стража. Это хорошо. А вот свежая кровь на подошве – уже не очень. Хотя, если подумать, приличному человеку в столь позднее время делать в

таком месте нечего, ну, а судьба местных бандитов меня не волновала.

– Наверное, перепутала, – заключил я.

– П-перепутала?!

– Ну, да. Предлагаешь ей вернуться и извиниться перед пострадавшими?

Нардис тревожно посмотрел на мое невозмутимое лицо. Несколько раз вдохнул-выдохнул и, наконец, опустил плечи.

– Не надо. А вот тела стоит убрать, чтобы не опознали. А то мало ли, вдруг все-таки стража наткнется?

– Кость, ты слышала? – повернулся я к нетерпеливо приплясывающей псине. – Прибери за собой.

– Клац! – с готовностью отозвалась гончая. После чего послушно выплюнула ботинок и, вильнув хвостом, снова умчалась. Вскоре с той стороны раздался новый шум, подозрительный хруст, звуки торопливо разрываемой плоти, словно зверюга перемалывала останки бедолаг в труху. Нардис, услышав всю эту какофонию, поспешил зажать уши и убежал вперед. Я же, наоборот, задержался, чтобы оглядеть тоннель повнимательнее, а заодно отдал Кости еще один приказ, только уже мысленный и более конкретный.

Спустя четверть часа мы остановились перед нужным нам ответвлением. Собственно, это было не совсем ответвление – просто участок стены, заранее освобожденный от каменной облицовки и прикрытый для надежности старыми досками.

Доски Нардис, не дожидаясь команды, разобрал, открыв довольно узкий, вырытый прямо в земле лаз, куда едва мог протиснуться взрослый мужчина, да и то если встанет на четвереньки. Мне же там было вполне просторно, так что я даже не замедлился, пока пробирался к цели нашего путешествия.

Надо сказать, одно из преимуществ присмотренного нами кладбища (а в немаленьком Дамане таких насчитывалось целых три) заключалось в том, что располагалось оно довольно далеко от центра города. И, наоборот, очень близко к кварталу Бедняков, на границе которого мы обитали вот уже полгода. Наличие подземных тоннелей еще больше упрощало процесс перемещения из одного места в другое. Ну, а не предусмотренное строителями ответвление позволяло не тратить время на преодоление ограды и давало возможность проникнуть на территорию кладбища легко и, что намного важнее, незаметно.

Когда тесный лаз закончился и привел нас в довольно просторный коридор, созданный не так давно и исключительно нашими усилиями, я выпрямился, приставил к стене лежащую тут же деревянную лестницу, поднялся наверх и, выбравшись через дыру в полу, огляделся: толстые каменные стены, просевший потолок, тяжелая плита вместо двери, которую далеко не каждый сумеет стронуть с места, два пустых гроба со сдвинутыми набок крышками... Склеп был очень и очень старым. Настолько древним, что за давностью лет магическая защита на его стенах успела истощиться, да и о нем самом, похоже, давно забыли, поэтому о нашем присутствии, если судить по оставшимся в пыли следам, до сих пор никто не догадался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5is>

notes

Хищный зверь, внешне и по повадкам напоминающий медведя.

Столица Даманской империи (*здесь и далее прим. авт.*).

Темный бог, повелитель царства теней. В противовес ему существуют светлые богини-сестры Наа и Раа, отвечающие за мир живых.

Магия крови способна воздействовать как на живых, так и на мертвых, поэтому считается условно темным искусством и в империи запрещена.

Уважительное обращение к одаренному: магу, колдуну или ведьмаку.

Маги в империи – это одаренные, владеющие исключительно магией стихий. Бытовая магия, целительство и прочие направления магического искусства доступны только колдунам.

Как правило, колдуны устанавливают на магические вещи личные метки, обозначающие авторство создателя артефакта.